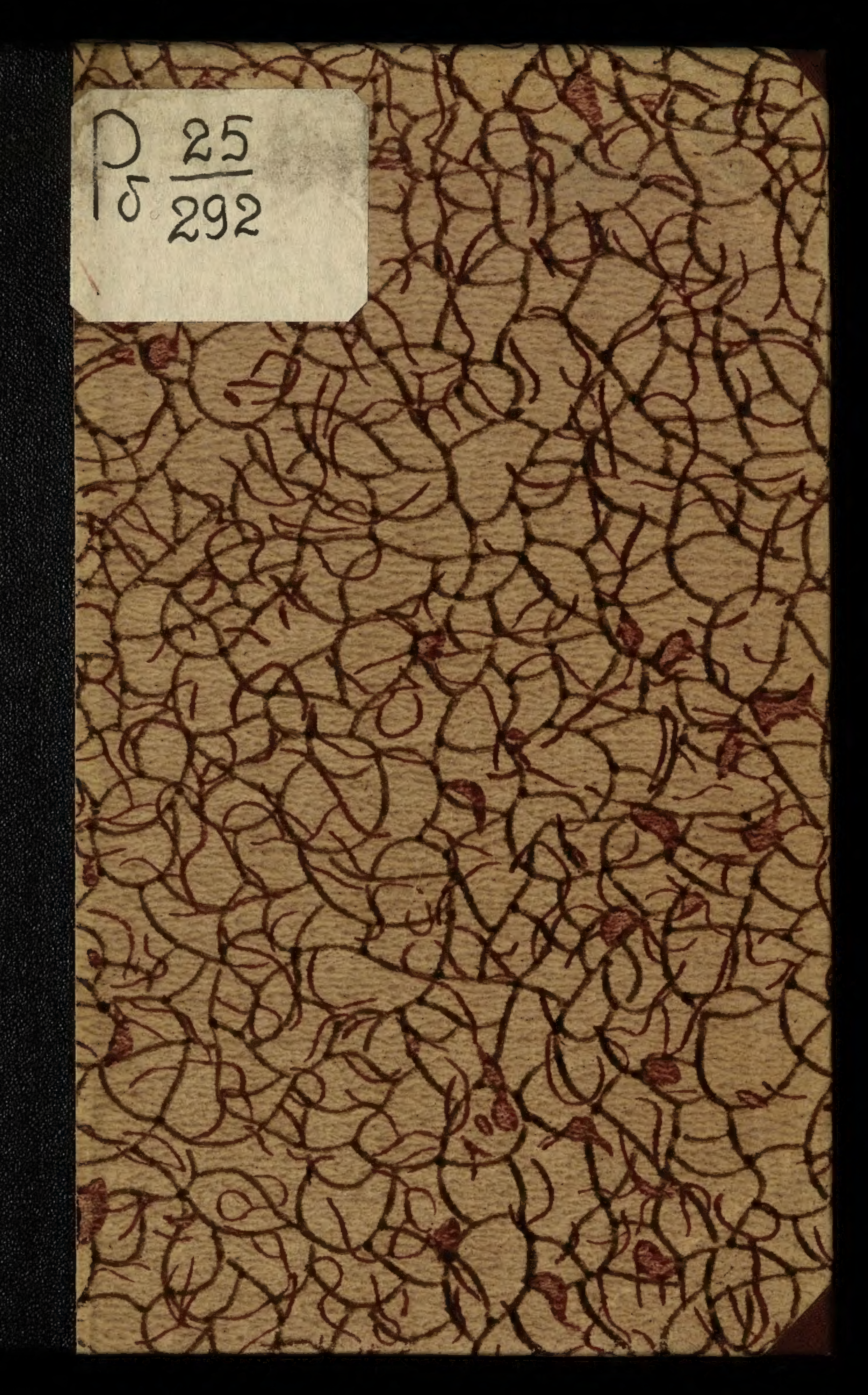
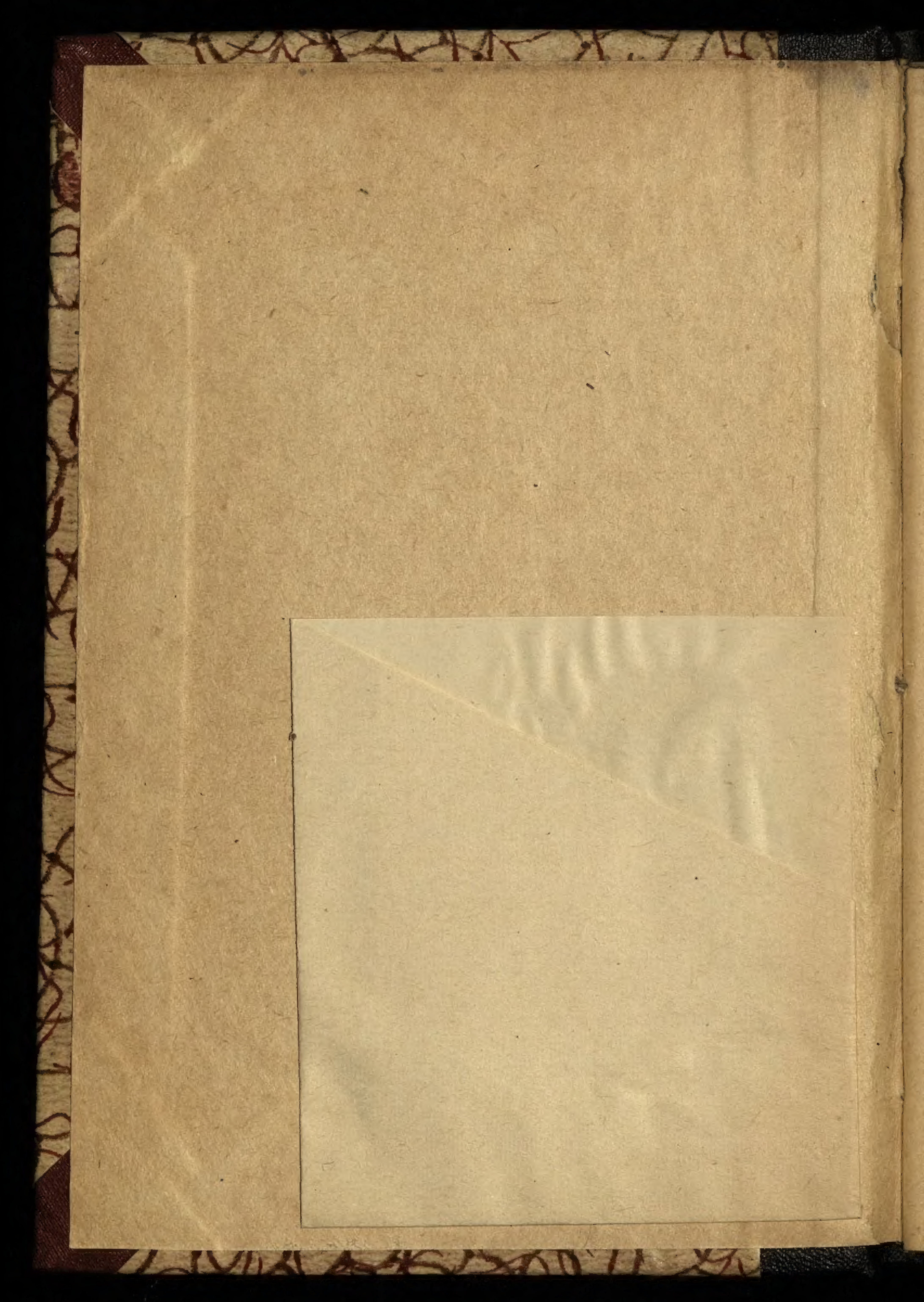

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

П. ЮДИН

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ О КУЛЬТУРЕ И КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

партиздат
1933

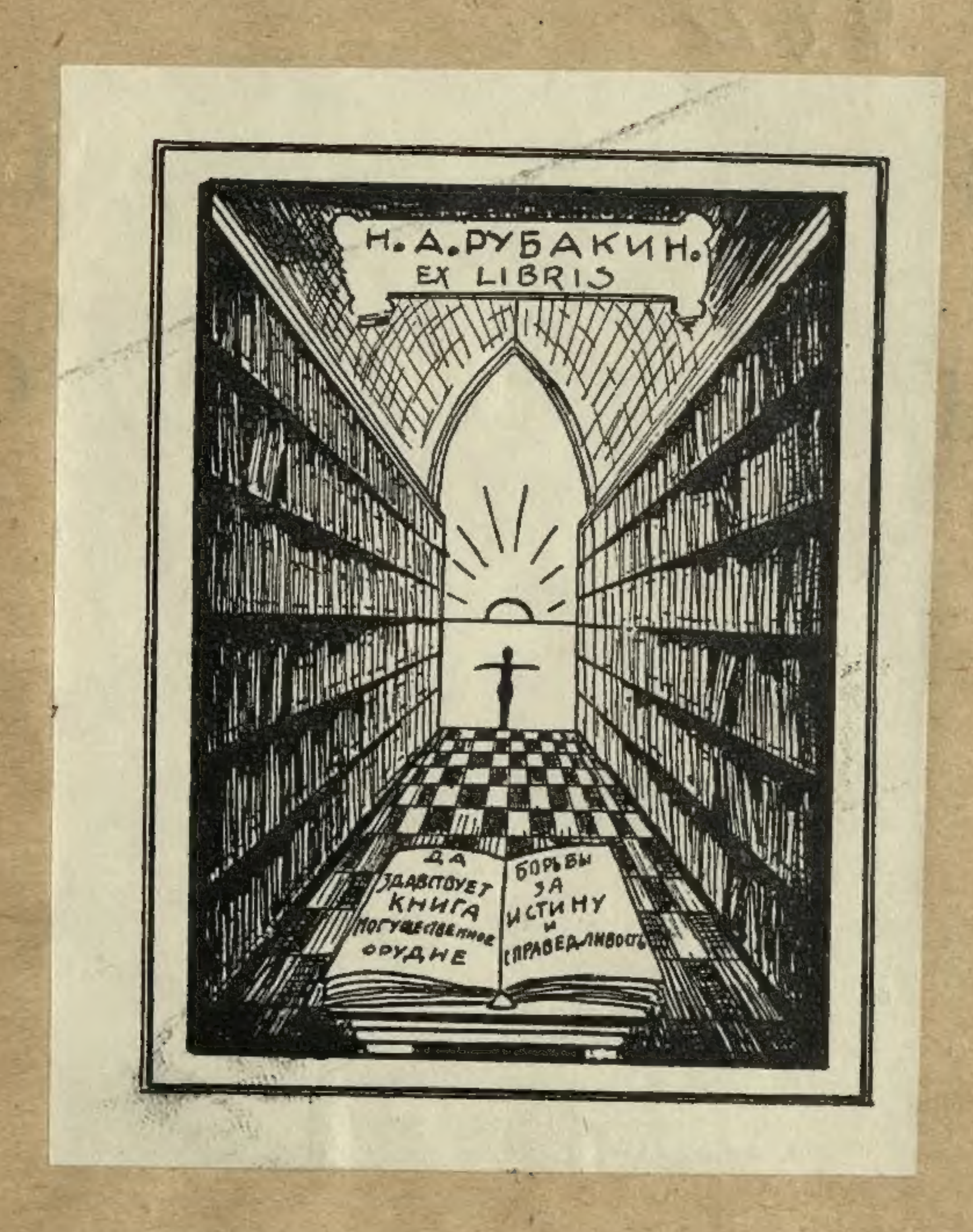

2020075401

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

П. ЮДИН

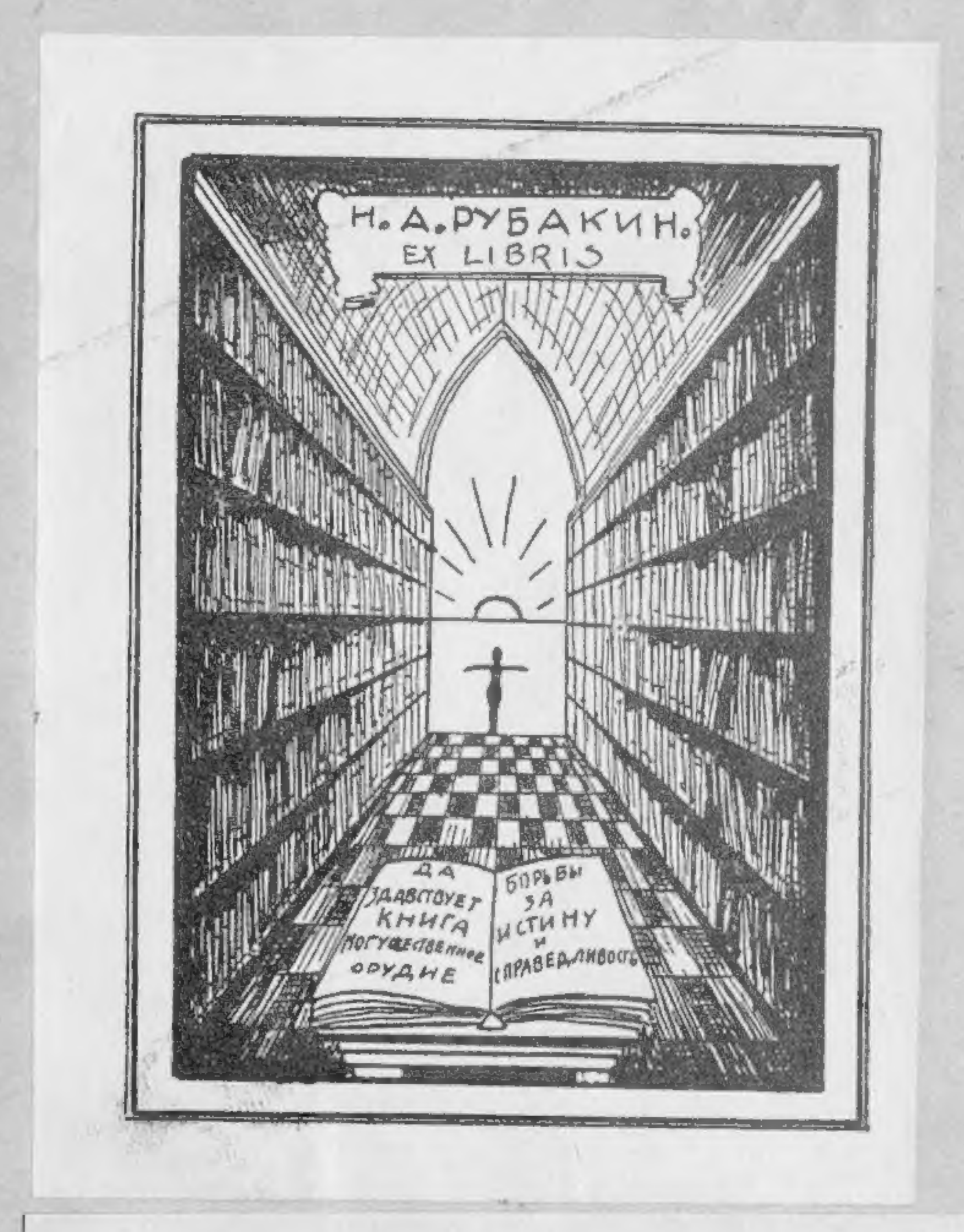
МАРКСИЗМ—ЛЕНИНИЗМ О КУЛЬТУРЕ И КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1933

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА ЗДАВСТВУЕТ КНИГА МОГУЩЕСТВЕННОЕ ОРУДИЕ
БОРЬБЫ ЗА ИСТИНУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В нашей литературе, специально посвященной вопросам культуры, обычно не дается сколько-нибудь обстоятельного рассмотрения содержания культуры по существу и часто сбиваются при этом на рассмотрение только так называемой духовной культуры, на рассмотрение вопросов идеологии. Сводить содержание культуры только к идеологии неправильно потому, что марксистско-ленинское понимание культуры не исчерпывается только проблемами идеологии.

Маркс и Энгельс, начиная с работы «Критика философии права Гегеля» (1842 г.) и особенно в «Святом семействе» (1844 г.) уже со всей определенностью в основном сформулировали новое мировоззрение. Дальнейшая разработка и изложение нового мировоззрения—революционного марксизма—дано в «Немецкой идеологии» (1845 г.), «Нищете философии» (1847 г.), «Коммунистическом манифесте» (1847—1848 гг.). В этих работах было обосновано и [illegible]ие

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
МОГУЩЕСТВЕННОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В нашей литературе, специально посвященной вопросам культуры, обычно не дается сколько-нибудь обстоятельного рассмотрения содержания культуры по существу и часто ограничиваются при этом на рассмотрение только так называемой духовной культуры, на рассмотрение вопросов идеологии. Сводить содержание культуры только к идеологии неправильно потому, что марксистско-ленинское понимание культуры не исчерпывается только проблемами идеологии.

Маркс и Энгельс, начиная с работы «Критика философии права Гегеля» (1812 г.) и особенно в «Святом семействе» (1844 г.) уже со всей определенностью в основном сформулировали новое мировоззрение. Дальнейшая разработка и изложение нового мировоззрения—революционного марксизма—дано в «Немецкой идеологии» (1845 г.), «Нищете философии» (1847 г.), «Коммунистическом манифесте» (1847—1848 гг.). В этих работах было обосновано и новое учение о культуре.

Маркс рассматривал общество как естественно-исторический процесс. С этой точки зрения он подошел и ко всей культуре человечества. История культуры, по Марксу, определяется историей развития материальных производительных сил. Причем сама культура понимается им шире, чем «духовное производство».

«Определенной формой материального производства обусловливается, во-первых, определенное расчленение общества, во-вторых, определенное отношение человека к природе. Тем и другим определяется его государственный строй и его миро-

созерцание. А следовательно и характер его духовного производства»[1].

Культура, взятая в целом (в широком смысле слова), выражает собою совокупность всех сторон общественной жизни, но *рассматривая* под углом зрения овладения человеком законами природы и законами общества, означает увеличение власти человека *над* этими законами. К области культуры относятся стороны общественной жизни, выражающие собою власть человека над законами природы и общества: *создание* орудий труда и *использование* их в борьбе с природой—*техника; рабочая сила,* выражающая собою *степень овладения* материальными средствами производства; быт—как наиболее устойчивое выражение уровня и характера материальных условий жизни различных классов общества; мораль, право, наука, искусство, литература, философия—вся совокупность идеологических надстроек. Из этого понимания культуры исходил Ленин. Он говорил:

«Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство»[2].

Если мы обратимся к анализу взглядов Ленина на вопросы культуры, то найдем, что Ленин под культурой понимает не только идеологию. Возьмем только что проведенное положение Ленина, где он говорит, что мы должны взять всю культуру, которую оставил капитализм, и из нее построить социализм.

Совершенно ясно, что Ленин имеет в виду не только идеологию.

В речи на XI съезде РКП(б) он говорит:

«Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю.

Не вышло ли нечто подобное в столице Р.С.Ф.С.Р., и не получилось ли тут так, что 4.700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) не оказались ли подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все

---

[1] *Маркс,* Теория прибавочной стоимости, т. I, стр. 24, Соцэкгиз.

[2] *Ленин,* т. XXIV, стр. 65, изд. 3-е.

же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников—коммунистов, потому, что у них нет достаточного умения управлять»[1].

Ленин к вопросам культуры подходит в связи с политическими задачами пролетариата. В 1918 г., в одном из своих докладов, Ленин, касаясь вопросов, от которых зависят судьбы советской власти, говорил: экономической, политической власти у нас достаточно, но чего нам нехватает, чтобы справиться с задачами, которые перед нами стоят? Нам, говорит он, тому слою коммунистов, которые управляют, нехватает культурности, нехватает умения четко работать, умения последовательно проводить намеченные мероприятия. Нашим руководящим коммунистам нехватает необходимых знаний в тех или иных областях науки, знания тех областей, в которых они управляют, которыми они руководят.

В этом случае Ленин дает совершенно определенное понятие той культуры, которой нехватает коммунистам.

Он говорит, что наше государство пролетарское, но с бюрократическими извращениями, что наш государственный аппарат, особенно в первые годы революции, унаследовал от старого буржуазного аппарата остатки старого чиновничества, высокомерное буржуазное отношение к массам, бездушие, бюрократизм и т. д. И Ленин, ставя вопрос о борьбе с бюрократизмом, тут же, непосредственно в связи с этим вопросом, выдвигает и проблему культурной революции, говоря, что работники советского аппарата должны стать культурными работниками.

На различных этапах, с различных сторон подходя к вопросам культуры, Ленин каждый раз вкладывает в это понятие определенное конкретное содержание. Всегда, когда Ленин говорил о политическом просвещении народных масс, он заявлял, что первым условием всякой культуры, условием сознательной политической деятельности является грамотность. Он говорил в этих случаях: нам бы для начала побольше общей грамотности для широких трудящихся масс.

Вопросы культуры Ленин ставит также, когда он говорит о развитии науки, техники, промышленности, сельского хозяйства и т. д.

Возьмем решение Лениным коренного и самого трудного

---

[1] *Ленин*, т. XXII, стр. 214.

вопроса пролетарской революции—переделки психологии мелких собственников, кооперирование крестьянского хозяйства. Поставив эту задачу как основную, Ленин говорит, что, решив эту задачу, мы бы обеими ногами стояли на почве социализма, но для этого нужна целая культурная революция, имеющая своей экономической целью кооперирование.

Разрабатывая план электрификации, Ленин говорит: «Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение»[1].

Таким образом здесь Ленин ставит вопросы культуры в связи с вопросом электрификации и говорит, что мало простой грамотности, мало простого знания электричества: нужно *уметь применять это знание к промышленности и сельскому хозяйству* и к отдельным отраслям промышленности и сельского хозяйства.

Беря всю сумму этих вопросов, мы неизбежно приходим к выводу, что никак нельзя ограничиться в понимании культуры только областью духовной культуры, областью духовного производства.

С какими вопросами связана проблема культуры? Когда Ленин говорит, что надо взять всю культуру капитализма и из нее построить социализм, то он имеет в виду в первую очередь технику, затем науку и т. д.

Возьмите такой вопрос, как выработка социалистической дисциплины труда. Этот решающий вопрос для победы нового социалистического способа производства Ленин ставит в связь с проблемой культуры, проблемой культурной революции.

К области культуры надо отнести выработку навыков, уменье работать, овладение техникой, приложение техники непосредственно к процессу производства. Ленин вопросы культуры ни в коей мере не сводил только к вопросам перевоспитания человека в смысле педагогическом.

Ленин вопросы культуры берет широко, в связи со всеми вопросами экономики, политики, техники, науки, грамоты, искус-

---

[1] *Ленин*, т. XXV, стр. 389.

ства, литературы и т. д. Вопросы культуры непосредственно связаны как с экономикой, так и с идеологией. Экономика и идеология находятся в определенном диалектическом единстве, так что ни в коей мере, ни в коем случае нельзя вопросы культуры сводить только к перевоспитанию или только к материальной культуре, как делают некоторые.

Маркс и Энгельс указывали, что духовное производство «вплетается» в материальное производство («Немецкая идеология»).

Тов. Покровский пишет, что культуру «можно стало быть определить как совокупность всего, созданного усилиями человека, в противоположность тому, что даром, без усилий с нашей стороны, дает нам природа»[1].

Беря в этом широком понимании культуру, можно будет совершенно правильно поставить вопрос о двух областях культуры — о культуре материальной и культуре духовной. Такая постановка вопроса будет правильной, и здесь мы подойдем к тому, что материальная культура является определяющей, является решающей по отношению к культуре духовной, по отношению к духовному производству.

Поставив вопрос о культуре в этой плоскости, мы более правильно поймем те конкретные задачи культуры и культурной революции, которые стоят перед нами на современном этапе.

Культура, являясь выражением степени власти человека над стихийными силами природы и над законами самого общества, на каждом историческом этапе развития производительных сил, в каждой общественно-экономической формации выступает в специфической форме, присущей данному историческому периоду, именно в форме, выражающей тот способ соединения рабочей силы со средствами производства, который является господствующим в данную эпоху. Поэтому не существует культуры вообще, как не существует и общества вообще, а существует лишь культура исторически определенной общественно-экономической формации.

В классовых общественно-экономических формациях экономически господствующий класс является и классом политически господствующим, идеи господствующего класса являются господствующими идеями.

«Класс, который представляет собой господствующую *ма-*

---

[1] *Покровский*, Очерк истории русской культуры, ч. I, стр. 1.

териальную силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная сила*»[1].

Поэтому и культура в классовом обществе может быть только классовой культурой. Культура господствующего класса является господствующей культурой и в целом служит интересам этого класса.

Развитие культуры возможно только на основе овладения всем богатством культуры, которую застает готовой новое поколение. Таким образом в развитии культуры существует определенная историческая преемственность и закономерность. Переход от культуры одной общественно-экономической формации к культуре другой формации происходит *на основе переворота в способе производства*, т. е. через революцию. Переход от одной культуры к другой содержит в себе много специфического, обусловливаемого конкретными историческими условиями, характером и глубиной общественного переворота.

Буржуазно-идеалистические теории культуры, как правило, под культурой понимают только чисто духовную деятельность. Те же из них, которые культуру рассматривают как все созданное человеком в противоположность естественным дарам природы (Милюков, Липперт и др.), рассматривают культуру как внеисторическое и внеклассовое явление. Все домарксистские теории культуры в основе культуры видели только проявление чистого духа, вечного разума, абсолютной идеи, не видели основных творцов культуры—массы, рассматривали культуру как результат деятельности великих людей. Этих недостатков домарксовых учений о культуре по сути дела не преодолела ни одна из буржуазных школ до нашего времени включительно.

Делают серьезную ошибку те, кто считают, что существует только культура общественно-экономических формаций. На самом деле марксистско-ленинское учение о формациях и марксистско-ленинское учение о культуре идет дальше. Формация для нее не является какою-то абстракцией. Каждая общественно-экономическая формация является формацией определенной. Если речь идет о классовых формациях, то говорится о конкретных исторических классах, о конкретном историческом способе производства, который определяет тип и характер данной формации. Поэтому нельзя рассматривать

---

[1] *Маркс и Энгельс*, т. IV, стр. 36, 1933 г.

культуру общественно-экономической формации, не подчеркивая ее классового существа.

Когда мы говорим о культуре общественно-экономической формации, то в понимании культуры общественно-экономической формации должны за отправное, за руководящее для себя взять положение Маркса, что класс, господствующий экономически, класс, заведующий материальным процессом производства, является господствующим и в области духовного производства. Идеи господствующего класса являются господствующими идеями. Поэтому мы безусловно можем говорить о культуре например капиталистической общественной формации, понимая под этим господствующую культуру, культуру буржуазии. Но вместе с тем нельзя останавливаться только на этом, надо итти дальше и анализировать, вскрывать культуру тех классов, которые являются угнетенными, порабощенными.

Выше мы в общей форме указывали на закономерность перехода от культуры одной формации к культуре другой формации. При рассмотрении этого вопроса иногда сбиваются на чисто буржуазно-социологическую точку зрения, рассматривая преемственность культур, вне связи со всеми общественными процессами, вне связи с классовой борьбой, вне связи с изменением способа производства.

Особенность перехода от одного способа производства к другому определяет собой характер перехода и от одного типа культуры к другому.

Если мы возьмем к примеру переход от древнеримского общества к феодальному обществу, то увидим, что ни один из классов рабовладельческого общества не являлся носителем более высокого способа производства. Маркс говорит, что в совместной борьбе эти классы вынуждены были погибнуть. Древнеримский колонат, который явился своего рода переходной экономической формой к средневековью, не означал победы ни рабовладельца, ни рабов. Ни один из этих классов древнеримского общества не явился в дальнейшем носителем более высокой культуры. Позднее эпоха средневековья ассимилировала, переработала, восприняла то положительное, что было в культуре древнего рабовладельческого общества. Эта особенность в переходе культуры целиком определялась особенностью перехода от одного способа производства к другому.

Возьмем дальше переход от феодального общества к капи-

талистическому. Каковы особенности этого перехода? Они состояли в том, что в основном капиталистический способ производства складывался в пределах феодальной формации. В пределах феодальной формации капиталисты становятся экономически решающей силой. В переходе от феодальной культуры к культуре буржуазной сказалась эта особенность перехода от одного способа производства к другому. Именно в пределах феодальной формации складываются основные черты, основной характер культуры буржуазии. Складываются кадры интеллигенции, вырабатываются основные черты буржуазного мировоззрения.

Возьмем дальше—переход от буржуазного способа производства к социалистическому способу производства. Особенности этого перехода целиком определяют особенности перехода от культуры буржуазной к культуре пролетарской. Подчеркивая, не затушевывая этого своеобразия перехода от одной культуры к другой, надо поставить вопрос относительно своего рода исторической преемственности в процессе культурного развития, причем этот процесс обусловливается опять-таки материальным процессом производства.

Маркс в письме к Анненкову указывает, что сложившиеся материальные производительные силы каждым новым поколением наследуются от предшествующей формации. «Но для того,—говорит Маркс,—чтобы не приостановить процесс исторического развития, для того чтобы не приостанавливалось дальнейшее развитие производительных сил, люди вынуждены менять форму, в которой они унаследовали производительные силы». Эта постановка относительного общего процесса исторического развития целиком относится и к характеристике закономерностей исторического развития культуры. Не надо представлять себе, что культура развивается только в силу внутренне присущих ей имманентных законов, ибо культурная преемственность, законы культурного развития обусловливаются всем ходом материального процесса производства. Между феодальной и капиталистической культурой много общего, так как культура феодалов, крепостников, так же как и культура буржуазии, есть культура эксплоатирующих классов. Наконец многое из культуры предшествующих господствующих классов последующие господствующие классы прямо и непосредственно, без соответствующей критической переработки, в состоянии заимствовать и заимствуют.

Иначе обстоит дело с преемственностью в пролетарской культуре.

О голой преемственности, о простом перенесении, о пересаживании буржуазной культуры на нашу почву, на почву диктатуры пролетариата,—не может быть и речи. Речь должна итти о переделке старой культуры. Ленин писал, что «марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»[1]. Этот принципиальный подход к буржуазной культуре, технике, науке, искусству, литературе и т. д. должен нами последовательно проводиться. Когда мы говорим, что во второй пятилетке мы вплотную подойдем к полному разрешению проблемы—догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении, то здесь речь идет именно о революционно-критическом отношении, переработке всего положительного, что есть в технике, в экономике буржуазии.

Яркий свет на это может бросить разбор вопроса о рационализации капиталистической и рационализации социалистической. Буржуазная Европа и Америка после войны 1914 г. занялись оздоровлением своего хозяйства и встали на путь рационализации. Советский союз точно так же, поставив своей задачей построение фундамента социалистической экономики, встал на путь рационализации своего хозяйства. Рационализация капиталистическая и рационализация социалистическая принципиально противоположны, но это вовсе не значит, что мы не заимствуем капиталистическую технику, капиталистические приемы организации хозяйства в смысле четкости управления, организации производства и т. д. Но и здесь речь идет не о голом перенесении техники, культуры, науки, искусства буржуазии, а об их революционно-критическом преодолении.

К чему приводит некритическое отношение к прошлой культуре, можно проследить на вопросах пролетарской литературы. К чему например привел рапповцев лозунг, что «пролетарский писатель должен учиться у Толстого и только у Толстого»? Нет ничего плохого в том, что пролетарскому писателю надо

[1] *Ленин*, т. XXV, стр. 409—410, изд. 3-е.

учиться у Толстого,—пролетарский писатель обязательно должен учиться и у Толстого. Но вопрос идет о том, как учиться, чему учиться. Ведь Авербах прямо-таки договорился до такого утверждения: потому, говорит, надо у него учиться, что Толстой в своем художественном творчестве, в своем «творческом методе» проводит точку зрения диалектического материализма. Это явно некритическое отношение к культуре прошлого, пример того, как не надо относиться к освоению прошлого. Толстого, мировоззрение которого от начала до конца пронизано мистикой, верой в «боженьку», рекомендуют пролетарскому писателю брать целиком, учиться только у него, следовать ему.

В классовом обществе не может быть надклассовой культуры,—в классовом обществе культура может быть только классовой. Буржуазная культура выражает природу того класса, которому она принадлежит,—природу буржуазии; пролетарская культура, отражая интересы пролетариата, по своему содержанию является также классовой культурой.

Она служит великой цели пролетариата—освобождению трудящихся от капиталистического рабства и задачам построения социалистического общества.

«В Советской Рабоче-Крестьянской Республике вся постановка дела просвещения как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком»[1].

Ленин указывает, что пролетарская культура является составной частью общего великого дела, которое ведет пролетариат, является составной частью борьбы за великое освобождение рабочего класса. Ленин учит, что строительство культуры должно итти под руководством коммунистической партии. Пролетарская культура должна быть классовой от начала до конца, во всех ее звеньях: в науке, технике, философии, литературе, искусстве и т. д. Она пронизана содержанием великой борьбы и строительства, которые ведет пролетариат в эпоху перехода от капитализма к социализму.

Но марксизм-ленинизм учит не только тому, что пролетарская культура является классовой, он учит также и тому,

---

[1] *Ленин*, т. XXV, стр. 409, изд. 3-е.

что пролетарская культура является по существу своему, по своему содержанию, по своим принципиальным положениям социалистической культурой.

Что это значит? Это значит, что пролетариат, создавая социалистическое общество, создавая социалистические производственные отношения, не может создавать никакой другой культуры, кроме социалистической. Наши промышленные предприятия являются предприятиями последовательно-социалистического типа. Там существуют социалистические производственные отношения: частная собственность на средства производства отсутствует, эксплоатации нет. В колхозах средства производства обобществлены, находятся в коллективной собственности колхозников, следовательно и здесь мы имеем социалистические отношения. В нашей стране решен вопрос «кто кого?» окончательно и бесповоротно в пользу социализма, это значит, что в нашей стране нет сейчас такой силы, которая могла бы победить пролетариат. В области промышленности буржуазия занимает совершенно ничтожную долю процента. В области сельского хозяйства, в основных и решающих сельскохозяйственных районах кулачество как класс на основе сплошной коллективизации в основном ликвидировано. Завершением первой пятилетки окончательно подорваны корни капитализма в стране. У нас построен фундамент социалистического общества.

Спрашивается, какова культура в обществе, в стране, где создан фундамент социализма, где в подавляющей части народного хозяйства страны установлены социалистические отношения к средствам производства? Культура в этой стране по своему существу, по своему содержанию—социалистическая.

Тов. Сталин так об этом и пишет: «Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов...» [1].

Дальше т. Сталин говорит, что пролетарская культура, социалистическая по своей сущности, является культурой общечеловеческой. «Именно поэтому возможная ассимиляция некоторых отдельных национальностей не ослабляет, а подтверждает то совершенно правильное положение, что пролетарская общечеловеческая культура не исключает, а пред-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 137, изд. 9-е.

полагает и питает национальную культуру так же, как национальная культура не отменяет, а дополняет и обогащает общечеловеческую пролетарскую культуру»[1].

С построением бесклассового социалистического общества эта культура будет уже не классовой культурой, а культурой всего социалистического общества, общечеловеческой культурой. С победой социализма во всем мире эта культура будет культурой общечеловеческой. Здесь как будто бы противоречие. Как же так: культура классовая, пролетарская, и вместе с тем—социалистическая по своему существу, общечеловеческая? Мало того, поскольку она именно является социалистической, постольку она является и общечеловеческой. Здесь как будто бы также противоречие: классовая и общечеловеческая. Но это противоречие—диалектическое противоречие. Пролетариат является носителем социалистических, общечеловеческих производственных отношений, поэтому и культура его носит этот характер.

Каковы будут взаимоотношения пролетарской культуры с культурой социалистического общества? Можно ли поставить полностью знак равенства между культурой пролетариата, культурой переходного периода, и культурой будущего полного социалистического общества? Можно ли поставить полностью знак равенства между тем, что мы создаем сейчас, и будущей культурой коммунистического общества? Так ставить вопрос опять-таки нельзя, это будет неверная точка зрения; неверная потому, что сейчас построен только фундамент социализма, здание социализма будет построено к концу второй пятилетки,—но именно только построено. Дальнейшее развитие, развертывание творческих сил социалистического общества пойдет уже дальше, после построения социалистического общества. Именно тогда только человечество полностью развернет все свои способности в развитии производительных сил, именно тогда искусство, литература, культура в целом получит необычайную глубину, силу и мощь. Энгельс говорит, что то, что создано за всю предшествующую историю в области науки, искусства, культуры, покажется жалкой тенью того, на что способно будет человечество, освобожденное от капиталистического рабства, от необходимости непроизводительно расхищать богатства труда. Ленин говорил, что капитализм душит, уничтожает неисчер-

[2] *Сталин, Вопросы ленинизма*, стр. 138, изд. 9-е.

паемые источники талантов народных масс. Все неисчерпаемые таланты народных масс при социализме найдут возможность полного своего развертывания, а в СССР уже находят теперь...

Культура бесклассового социалистического общества будет продолжением той культуры, которая заложена пролетариатом в своей основе в переходный период; это будет дальнейшее развитие этих принципов, как и самый социализм, который строится теперь, будет развиваться дальше,—но это не будет другим полюсом, это не будет принципиально нечто другое, а будет дальнейшим развитием, более высокой ступенью тех основ, которые заложены в переходный период. Так стоит вопрос о соотношении пролетарской культуры, культуры переходного периода, с культурой социалистического общества. Таким образом социалистическое общество создает новую культуру, которая будет дальнейшим развитием культуры, заложенной теперь, в эпоху переходного периода.

* *
*

Наиболее распространенной, господствующей точкой зрения среди буржуазных ученых, которые занимаются вопросами культуры по преимуществу, является кантианская точка зрения. Она исходит из «вечных» нравственных, этических категорий, пытаясь уложить все содержание культуры в эти предвзятые идеалистические этические категории. Даже технику и науку в целом эти буржуазные ученые пытаются подогнать под этические категории.

Генрих Риккерт например, сведя всю культуру к этическим извечным категориям, пытается уложить в них даже технику. Он пишет: «Часто говорят и о технической культуре, и в этой области, пожалуй, могло бы показаться, что носителями культурных ценностей являются голые ценности жизни, так как техника действительно часто имеет целью лишь возможно жизненную или здоровую жизнь. Против этого тоже нечего сказать. Но если ценность технической культуры покоится в ценностях жизни, то отсюда лишь следует, что техника сугубо не обладает самодовлеющей ценностью. Если в самой жизни мы видим только средство для существования самодовлеющих ценностей или условное благо, то техника, являющаяся слугой жизни, имеет значение лишь как средство для средства, как условное благо для условного блага. Правда об этом теперь часто забывают, чем и вносят в наши понятия о

культуре страшную путаницу. Техническим изобретениям радуются, как таковым, не отдавая себе отчета о том, какие цели ими в сущности преследуются. Гордятся чудовищными современными машинами, которые при более точном рассмотрении обнаруживают часто лишь бедствие современной культуры, являются значит необходимым злом. В известных технических возможностях видят уже культурный прогресс, не будучи в состоянии указать на ту обладающую самодовлеющей ценностью цель, которой они служили бы средством. Так, чтобы привести современный пример, способность летать в воздухе лишь постольку является делом культуры, поскольку дальнейшее развитие аэропланов быть может поставит их на службу самоценным культурным целям. Увлечение техникой, как таковой, свидетельствует о чрезмерной скромности. Только технически «совершенные» машины еще не представляют культурного прогресса, и потому «техническая культура» и не может быть поставлена на одну доску с тем, что мы называем научной, художественной, социально-этической и религиозной культурой»[1].

Здесь Риккерт, проводя принцип кантианской философии в вопросах культуры, исходя из «вечных» этических норм, видит смысл в технике постольку, поскольку эта техника служит этическим нормам, вечным этическим категориям. Если она не соответствует им, то и техника не является культурой.

Нашумевший в свое время Шпенглер эти кантианские установки в вопросах культуры перенес на современное положение и сделал из них тот вывод, что буржуазная культура, современного Запада пришла в состояние распада и что перед ней нет другого пути, как пути дальнейшего развала, деградации. По Шпенглеру в недалеком будущем культура вернется к своему исходному пункту, т. е. начнет свой жизненный путь сначала.

В России, еще во время войны 1914—1918 гг., один из русских ученых, Лазурский, по существу выразил довольно ясно эту же точку зрения Шпенглера на участь буржуазной культуры.

Лазурский писал: «Нам грозит участь: или, идя дальше по пути материально-технического прогресса, повторять путь Рима (материальная мощь и культура, сексуализм с роскошью—быстрый упадок) или повторять путь Индии (пес-

---

[1] *П. Риккерт*, Философия жизни.

сивизм — бегство в самоуглубление, созерцание и мистицизм — упадок)».

Все представители современной буржуазной культуры впадают в мистику, не видят никаких перспектив, которые могли бы спасти капиталистическую культуру. Такие лица, как Эддингтон, Шредингер и др., сейчас открыто встают на путь поповщины, на путь прямого идеализма, на путь фидеизма. Эддингтон например высказывает такую мысль, что только в 1927 г. стало возможно научным путем доказать существование бога.

Шредингер доказывает, что вся беда науки прошлого—физики XIX столетия состояла в том, что она держалась зловредного принципа причинности. Современная наука, говорит Шредингер, доказывает, что причинность объективно не существует. Шредингер пытается таким образом соединить науку и веру в бога.

Здесь необходимо заметить, что представители буржуазной мысли, выступавшие в эпоху промышленного капитализма, не шли дальше того, чтобы соединить науку и веру.

Возьмем представителя буржуазной культуры периода ее расцвета—Эрнеста Геккеля. Геккель в своих «Мировых загадках» пытается дать картину мира, берет все вопросы культуры и освещает их со своей точки зрения. Геккель пишет: «Прежде всего я хотел бы дать понятие о том, основанном на разуме мировоззрении, которое с логической необходимостью вытекает из данных новейшего естествознания, проникнутого единством; оно таится в глубине души едва ли не всякого беспристрастного и мыслящего исследователя природы, хотя весьма немногие находят в себе потребность или мужество открыто исповедывать его. Во-вторых, я хотел бы установить связь между религией и наукой и содействовать ослаблению вражды, совершенно напрасно посеянной и поддерживаемой между этими двумя областями высшей духовной деятельности человека; этическая потребность нашего духа в такой же мере удовлетворятся монизмом, как и логическая потребность в причинности, присущая нашему рассудку».

Геккель, рассматривая все стороны, все элементы мировоззрения, везде пытается проводить эту точку зрения,—последовательно старается соединить веру и знание, науку и поповщину.

Так он пишет: «С идеалом вечного бога дело обстоит несколько иначе, чем с идеалом вечной истины. Между тем как

при познании истины приходится совершенно отбросить церковное откровение и обратиться исключительно к исследованию природы, понятие добра, которое мы называем добродетелью в нашей монистической религии, в значительной мере совпадает с христианской добродетелью; конечно мы имеем в виду лишь первоначальное, чистое христианство первых трех столетий, то учение о добродетели, которое содержится в евангелиях и посланиях Павла; но мы не имеем в виду ватиканской карикатуры на это чистое учение, 12 столетий царившее над европейской культурой к неисчислимому вреду последней. Лучшую сторону христианской морали, которой и мы придерживаемся, составляют гуманные заветы любви и терпения, страдания и братства. Но ведь эти благородные заповеди, называемые «христианской моралью» (в лучшем смысле), отнюдь не являются открытиями христианской эры, а заимствованы из более древних религий».

Дальше этого представления о культуре в целом, о науке, истине и т. п. буржуазная мысль второй половины XIX в., не говоря уже о XX в., не пошла.

В свое время имело, да и теперь еще имеет широкое распространение среди буржуазных ученых учение Зигфрида Фрейда. Фрейдизм был перенесен в известной мере и в нашу советскую действительность. Фрейдизм старается охватить все стороны явлений внешнего мира, природы, общества и отдельного человека. Всю суть, весь смысл всех движущих мотивов в обществе, поступков отдельных людей фрейдизм сводит к половым инстинктам. Вся жизнь человека и все его культурное строительство являются не чем иным, как формой проявления сексуальной сферы. Сексуальные мотивы, действующие подсознательно, являются первоисточником и причинами сложных общественных явлений, всей культуры человечества.

Один из учеников Фрейда и верный его последователь, Отто Ранк, углубляя и развивая точку зрения Фрейда, доказывает, что вся культура, вся общественная жизнь, весь смысл философии, весь смысл жизни человечества сводится к преодолению травмы рождения. С его точки зрения при рождении человек испытывает страшные мучения, и эти мучения на всю жизнь запечатлеваются в человеке подсознательно. Весь смысл движущих мотивов человеческой жизни состоит, с одной стороны, в преодолении этой травмы рождения, а с другой стороны, человека тянет опять в его перво-

начальное положение. Вот борьба этих двух начал и составляет, по Ранку, содержание всей культуры.

С точки зрения Отто Ранка философия культуры сводится к следующему: «Рождение человека в мир травматично: организм, вытолкнутый в процессе родов из материнского лона, испытывает страшное и мучительное потрясение, равным которому будет только потрясение смерти. Ужас и боль этой травмы есть начало человеческой психики, это дно души. Страх рождения становится первым вытесненным переживанием, к которому затем стягиваются последующие вытеснения. Травма рождения—корень бессознательного и вообще психического. Избыть ужас рождения человек не может во всей последующей жизни».

Но вместе с ужасом рождается и тяга назад—в пережитый рай внутриутробного состояния. Эта жажда возврата и этот страх—основа того двойственного состояния, которое испытывает человек. Эта «травма рождения» определяет задачу и смысл как личной жизни, так и культурного творчества.

«Все характеристики рая и золотого века в мифах и сагах, характеристики будущей мировой гармонии в философских системах и религиозных откровениях и, наконец, социально-экономический рай политических утопий явно выдают черты своего происхождения из этой же тяги к внутриутробной жизни, однажды пережитой человеком. В основе их лежит смутная бессознательная память о действительно бывшем рае, поэтому-то они так сильно действуют на душу человека; они не выдуманы, но их правда не в будущем, а в прошлом каждого человека. Правда, ворота рая охраняет суровый страх—ужас рождения, который не позволяет памяти пробудиться до конца и заставляет облекать тягу к материнскому лону в различные замещающие образы и символы».

«Вся культура и техника символичны. Мы живем в мире символов, которые в последнем счете—одно материнское лоно и пути в него. Что такое пещера, в которую забивался первобытный человек, что такое комната, в которой мы чувствуем себя уютно. Родина, государство и пр.—все это только суррогаты и символы оберегающего материнского лона»[1].

Эта, с позволения сказать, философия культуры перенесена в известной мере и на нашу почву. Есть у нас ряд работ подобного порядка. Часто на эти позиции сбивается кое-кто из так называемых «марксистов». В частности точку зре-

[1] *Волошин*, Фрейдизм, стр. 95—96, Гиз, 1927 г.

ния фрейдизма принимал Троцкий, принимали и другие, называя себя марксистами, как например Варьяш.

Буржуазные теории культуры, будь то неокантианские или фрейдистские, не говоря уже о прямой и открытой поповщине, ведут к самым реакционным выводам. Буржуазная сущность их очевидна, обнажена до крайности. В частности сам Фрейд выразил ее с предельной ясностью: «Невозможно отказаться ни от метода принуждения к культурной работе, ни от принципа господства меньшинства над массой, так как масса ленива, инертна»[1].

До какой степени дошло разложение буржуазной культуры, буржуазного мировоззрения, особенно ярко свидетельствует последний гегелевский конгресс, где собрались представители всей буржуазной культуры, представители буржуазной философии. Конгресс прошел под знаком прямой поповщины. Господствующим направлением было стремление подчинить науку религии. Один из участников наиболее последовательно выразил это, заявив, что только теперь стало ясным, какую роль играет Гегель в соединении веры и науки, что спасти человечество, т. е. буржуазию, может только вера, только бог. Этот развал, маразм буржуазной культуры со всей силой свидетельствуют о том глубоком кризисе, который переживает капиталистический строй. Ярким примером распада буржуазной культуры является отношение буржуазных ученых к техническому прогрессу. На страницах буржуазной печати, как общеполитической, так и специально технической, дискуссируются такие проблемы: «За и против техники», «Нужна ли техника», «Проклятые науки и техника». Почти каждый день в наших газетах встречаем сообщения о том, что буржуазные ученые выступают с программой «каникул науки», дискуссируется проблема превращения промышленных стран в аграрные, о снижении темпов, о снижении технического развития, ставится вопрос о вреде изобретательства. Достаточно перечислить только самые вопросы, связанные с техникой, которые сейчас дебатируются на страницах буржуазной печати, чтобы увидеть и представить себе глубокий процесс кризиса буржуазной культуры.

Один буржуазный литератор, Вилль, пишет, что «средства производства переросли возможности человечества, ибо близорукий эгоизм народа и общественных классов делает невозмож-

---

[1] *Фрейд*, Будущность одной иллюзии, стр. 10.

ным успешное техническое сотрудничество, которое техника подготовила».

Выдумывается бесчисленное количество рецептов, каким образом снизить технику, каким образом задержать техническое развитие и т. д. и т. п. Один из таких авторов пишет: «Необозримо войско писателей, которые дуются на технику и даже желают ее гибели или предсказывают ее гибель».

Очень характерным является, что один из ранних пророков гибели капиталистической культуры, Шпенглер, недавно выступил с новой работой по вопросам техники. Он говорил, что только тот, кто трусит, считает себя оптимистом. Оптимизм, говорит он, это плод трусости, потому, что надо со всей прямотой и ясностью посмотреть на то положение, в каком мы находимся. И Шпенглер пишет, что мы находимся у подножия Везувия, но слишком поздно спасаться, потому что извержение вулкана уже началось, и надо поступить, как древние римские воины: спокойно ждать своей смерти.

Это общий, наиболее характерный тон буржуазии по вопросам культуры, по вопросам техники.

То же самое во всех вопросах науки. Там сейчас чрезвычайно много разглагольствований о планах, о плановом хозяйстве, о том, что надо учиться у России. Один американский профессор пишет, что он верит, что первым шагом на пути спасения капитализма является «распространение знаний о плановом хозяйстве среди нашего народа».

Следующее, что характерно для современной буржуазной культуры, для всей современной буржуазной науки, для всего буржуазного мировоззрения—это широкая полоса религиозного мракобесия. Религия начинает проповедываться со страниц самых что ни на есть «ученых» журналов, со страниц самых что ни на есть толстых «ученых трудов». Создаются специальные «ученые», «культурные» и тому подобные религиозные организации. В Германии несколько лет назад был создан «Боевой союз за германскую культуру». В воззвании о своих задачах союз писал: «Широкое объединение всех творческих сил германской нации, дабы в последний час спасти то, что сегодня подвергается большой опасности: немецкую душу и ее выражение в творческой жизни, в науке, в искусстве, в праве, в воспитании, в духовных ценностях и в характере».

В 1929 г. в воззвании немецкого «Боевого женского союза» писалось: «Кинотеатры и театры, увеселительные вечера и

балы, периодическая печать и литература, газетные киоски, бумажные и книжные магазины, брошюры и плакаты ставятся под надзор определенных лиц и комиссий из церковных советов. Против каждой замеченной безнравственности заявляется письменный или устный протест, и полицейские и судебные власти призываются на помощь».

Эта общая черта современной буржуазной культуры, современного буржуазного мировоззрения характерна в основном и для социал-фашизма. На страницах социал-демократической печати много лет—сначала в порядке дискуссии, а теперь как бесспорный вопрос—принимается, что марксизм и религию вполне можно совместить. В «Forwärts» писалось: «Прежде многие думали, что католик не может быть социалистом, а социалист—католиком, теперь же большинство понимает, что это старый предрассудок».

Отто Бауэр писал: «Вера в социалистический порядок человеческого общества совместима как с религиозным, так и с атеистическим мировоззрением».

Еще более открыто высказывается Зеверинг: «Быстро нарастает число тех, кто ищет синтетического соединения католической силы с социалистическим мировоззрением». Тот же самый Зеверинг в приветствии религиозному «Всегерманскому певческому союзу» писал: «Необходимо добиться, чтобы в наших рабочих певческих организациях не только избегали религиозных исполнений, а наоборот, включили в свой репертуар наш великий гимн «Наш бог—могучая крепость», и т. д.

Известный представитель социал-фашизма Де-Ман заявил: «Не бывает обновления культуры без религиозного обновления. До тех пор, пока социализм не станет неотъемлемой частью такого (т. е. религиозного) обновления, социалистическое искусство будет производить только лабораторные опыты, быть может любопытные, но бесплодные». Де-Ман считает, что социалистическая культура может быть построена в недрах капитализма, но через религию и посредством религии.

Нечего уже и говорить о степени религиозного мракобесия в таких партиях, как английская рабочая партия. Приведем часть воззвания, выпущенного лейбористской партией за подписью 70 профсоюзных и партийных вождей—Макдональда, Сноудена и др. Они писали: «Если мы желаем, чтобы царство божие (и это пишет так называемая рабочая социалистическая партия!—*П. Ю.*) утвердилось на земле, то необ-

ходимо во всей многосторонней деятельности нашей народной жизни придерживаться христианской этики. Продумать трудовые проблемы экономического строя в свете евангелия является необходимой задачей. Мы обращаемся ко всем тем, которые связаны с рабочими организациями, с просьбой принять участие в богослужении или собрании, которые будут устроены в их районах, а также употребить все свое влияние на то, чтобы побудить местные церкви и братства устраивать такие богослужения, чтобы люди всех сословий могли объединиться узами действительного братства и вновь посвятить себя служению богу и братьям-людям».

Эдгар Цильден в 1931 г. писал: «Марксистская теория безусловно совместима с основным чувством религиозного человека; даже самый строгий марксист может ощутить ядро мира, общества—«я», как нечто божественное». ППС запрещает своим членам вступать в общество вольнодумцев и другие атеистические организации. Во Франции за гробом кардинала Дюбуа шествовали «социалисты» Блюм, Ренодель и др.

Мы не будем приводить многих других высказываний социал-фашистов на страницах «Der Kampf», высказывания Макса Адлера, который также определенно стоит на точке зрения соединения марксизма с религией. Например Браунталь писал, что «Макс Адлер пришел к известного рода трансцендентальному, социальному представлению о боге, согласно которому понятие бога является мыслительной необходимостью для осуществления социалистического строя».

Если мы обратимся к анализу программных документов социал-фашистов на вопросы культуры, то найдем, что их программу от начала до конца пронизывает эта точка зрения, что они стоят на этих позициях. Социал-фашисты в своих программах не идут дальше обычных требований буржуазного просветительства.

В своей программе по вопросам культуры социал-фашисты нашли возможным написать всего-навсего, что «социал-демократия стремится к уничтожению монополии в области просвещения, она борется с влиянием церкви на культурные учреждения, она добивается отделения церкви от государства».

Самое общее положение, на которое способна буржуазия в момент революционного подъема, это совместное обучение обоих полов в светской школе, отделение церкви от государства и т. п.

Английские социал-фашисты отделываются тем же самым. Они выставляют принципы «воспитания в республиканском и социальном духе». В каком республиканском, в каком социальном духе—неизвестно.

В программе австрийской социал-демократии написано: «Социал-демократия объединяет таким образом всех, кто желает принять участие в классовой борьбе пролетариата и примыкающих к нему классов, независимо от их религиозных убеждений.

...Социал-демократия организует и содействует воспитательным организациям, которые борются за проникнутый социализмом дух и духовное развитие юношества. Она борется с пьянством, она поощряет рабочий спорт, она организует образование рабочих и содействует народному образованию и искусству. Она поддерживает стремление передовых слоев рабочего класса воспользоваться достижениями науки и искусства и превращает их вместе с развивающимся в процессе борьбы рабочих элементами культуры в ростки развивающейся пролетарской культуры».

В программе рабочей партии Бельгии написано так: «Превращение капиталистического строя в строй коллективистический (какая терминология!—*П. Ю.*) должно непременно сопровождаться соответствующими преобразованиями. Эти преобразования: в области моральной—путем развития альтруистических чувств и чувства солидарности; реформа дела народного образования рабочих». Какая реформа—неизвестно.

Если сравнить все это с программой Коминтерна в вопросах культуры, то в противоположность этим либерально-буржуазным ламентациям Коммунистический интернационал, последовательно отстаивая пролетарскую точку зрения в вопросах культуры, выдвигает определенные классовые требования.

«Уничтожая монополию класса капиталистов на средства производства, рабочий класс должен также уничтожить и *буржуазную монополию на образование*, т. е. овладеть всей школой вплоть до высшей. В особенности важной задачей является для дела пролетариата подготовка из рабочего класса *специалистов* как в области производства (инженеров, техников, организаторов, и т. д.) так и в области военного дела, науки, искусства и пр. Наряду с этой задачей стоит задача *общего культурного подъема пролетарских масс*, их политического просвещения, повышения уровня знаний и технической квалификации, навыков общественной работы и упра-

вления, борьбы с остатками буржуазных и мещанских предрассудков и т. д....

В числе задач культурной революции, охватывающей самые широкие массы, особое место занимает борьба с опиумом народа—*религией*, борьба, которая должна вестись систематически и неуклонно».

Мы взяли только часть положений из программы Коминтерна по вопросам культуры. Но эта часть показывает всю принципиальную высоту и непримиримость программы по отношению к буржуазии в целом и буржуазному мировоззрению.

Коммунистический интернационал ведет борьбу за пролетарскую культуру. В этой борьбе ему приходится преодолевать не только открыто буржуазные взгляды на культуру, но и всевозможные мелкобуржуазные, псевдореволюционные, меньшевистские, социал-фашистские теории культуры, прикрывающиеся именем марксизма.

Наша партия всегда вела и ведет борьбу с враждебными теориями в вопросах культуры. Остановимся на этих теориях несколько подробнее.

Проводником буржуазных взглядов в вопросах культуры у нас являлся в первую очередь Богданов. Богданов, в свое время бывший большевиком, в революции 1905 г. работавший вместе с Лениным, во время реакции 1908—1909 гг. отходит от большевиков и окончательно переходит в лагерь буржуазии. Богданов на протяжении всей своей деятельности отстаивал неправильные теоретические позиции, начиная с энергетики Оствальда и вплоть до защиты и развития субъективного идеализма Эрнста Маха.

Облекая субъективно-идеалистическую философию в марксистскую терминологию, Богданов считает, что внешний мир вне коллективного опыта не существует, что внешний мир существует только в человеческом восприятии. В вопросах культуры он стоит на субъективно-идеалистических позициях. Богданов считает, что культура точно так же состоит из элементов опыта.

Под опытом же Богданов понимает ощущение субъекта, переживание индивида; внутренний мир субъекта по существу Богданов вкладывает в понимание опыта. Он говорит, что производственные отношения, материальное бытие в буквальном смысле слова—тождественны сознанию.

Вопросы культуры с точки зрения Богданова—это вопросы, имеющие отношение только к психике, к сознанию человека.

Проводя последовательно эту идеалистическую точку зрения, Богданов доходит до утверждения, что вообще немыслима никакая культура, никакое преобразование внешнего мира, никакое преобразование общественного строя, поскольку человеческое сознание не будет соответственным образом перевоспитано. Пролетариат не может готовить захват власти до тех пор, пока весь рабочий класс не овладеет принципами его, богдановской, философии. Эти принципы Богданов изложил в своей организационной науке, в своей «Тектологии». Пока, говорит Богданов, пролетариат не овладеет «организационной наукой», до тех пор немыслима революция. Это обычная меньшевистская точка зрения. Это точка зрения Суханова, которого критиковал в свое время Ленин, но наиболее последовательно идеалистически выраженная. Культура таким образом Богдановым сводится к выработке «организационных» навыков у пролетариата, навыков, которые есть не что иное, как внутренние психические переживания субъекта. Пролетарская культура, по Богданову, должна целиком сложиться в капиталистическом обществе. Пролетариат еще в условиях капиталистического общества должен овладеть принципами «организационной науки» Богданова, посредством которой можно переделывать мир. С этой точки зрения Богданов вполне последовательно отрицал социалистический характер нашей революции, говоря: какая же это революция, когда пролетариат еще не овладел «организационной наукой»? Богданов свою работу в «Пролеткульте» строил с таким расчетом, чтобы «научить» пролетариат овладеть этими «организационными» принципами, этой «Тектологией», и потом уже браться за перестройку общества. Богдановская теория культуры исходит из субъективно-идеалистических философских основ. Ленин в 1920 г. в предисловии ко второму изданию «Материализма и эмпириокритицизма» назвал богдановскую теорию культуры реакционно-буржуазной. Богданов хотел создать пролетарскую культуру чисто лабораторным путем, вне всякой связи с великой практикой рабочего класса, в стенах «Пролеткульта», келейно, обособленно от всего великого дела социализма.

Плетнев, единомышленник Богданова, писал: «Творчество пролетарской классовой культуры—основная цель пролеткульта. Выявление и сосредоточение творческих сил пролетариата в области науки и искусства—его основная практическая задача. А создать пролетарскую культуру может только

сам пролетариат. Отсюда совершенно ясно, что в творчество искусство производственного процесса в целом или как частность его, трудовое напряжение у молота например, может быть передано только тем, кто непосредственно участвует в нем, самим пролетариатом, а не посторонним наблюдателем».

Таким образом, по Плетневу, по богдановцам, изобразить в искусстве, в литературе например, рабочего-молотобойца может только сам молотобоец,—кто же другой понимает это дело? Или: «Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата, учеными, художниками, инженерами и т. п., вышедшими из его среды». По этому поводу на полях статьи Плетнева Ленин писал, что «это архификция, архивздор».

Богданов рассматривал «Пролеткульт» как нечто вроде первоначальной политической школы. В одном из своих докладов в МГУ Богданов так и говорил, что «Пролеткульт»—это совершенно независимая от государства, от господствующей политической партии организация, которая должна самостоятельно переделывать пролетариат. Тут совершенно ясен политический смысл этой богдановской теории культуры.

Очень близко к точке зрения Богданова на вопросы культуры примыкает т. Бухарин.

Исходный пункт бухаринской теории культуры—богдановское представление о ней как о чисто духовном процессе, совершающемся независимо от общественно-экономических условий. Из этих богдановских методологических установок, переделанных по-своему, переложенных на материалистическую терминологию, Бухарин исходит и в вопросах классовой борьбы в переходный период. Основная установка Бухарина в этих вопросах та, что после пролетарской революции немедленно начинается мирное, постепенное врастание в социализм...

Бухарин, как известно, создал свою знаменитую теорию фаз революции. Сначала идет революция в области идеологической, затем идет революция в области политической, затем революция в области экономической и, наконец, революция в области технической.

Эта бухаринская схема фаз революции—не марксистская, не ленинская, а механистическая. Он совершенно механически разделяет революцию на ничем не связанные между собой куски. Закончилась сначала одна фаза революции, затем начи-

нается другая фаза революции. Эта схема целиком отрывает вопросы культуры от общего процесса, от политической революции, от экономической революции, от технической революции и выделяет культуру, которую он укладывает в «идеологическую революцию» в чисто богдановском духе, как не связанную с общим великим делом социалистического строительства. Как и у Богданова, у Бухарина сначала происходит революция в сознании, как нечто оторванное от политической революции, ибо последняя, как говорит Бухарин, есть следующая фаза революции.

Самой характерной чертой бухаринской правооппортунистической теории культуры является по существу отрицание классовой сущности культуры. Правые не видят классовой борьбы в вопросах культуры и всего того конкретного революционного, действенного содержания, которое в учение о культуре вкладывал Ленин.

В «Политическом завещании Ленина» Бухарин, развивая антиленинские взгляды по вопросу о союзе рабочего класса с крестьянством, по вопросу о характере нашей революции и пр., высказывается и по вопросам культуры. Бухарин неправильно трактует известное ленинское положение о культуре, высказанное Лениным в статье «О кооперации». Ленин писал, что сейчас главной задачей является кооперирование крестьянства, объединение разрозненных мелких хозяйств, основанных на индивидуальной частной собственности, в кооперативные хозяйства, в хозяйства коллективные. Ленин говорил, что эта задача является важнейшей задачей, от которой зависит дальнейшая судьба Советского союза, построение социализма, зависит решение вопроса «кто кого?»: или мы капиталистов победим, или капиталисты нас. Ленин указывает, что решение этой задачи включает в себя огромную культурную работу для крестьянства, что задача кооперирования крестьянства невыполнима без целой культурной революции.

Трактуя это положение Ленина, т. Бухарин в своем «Политическом завещании» писал, что культурная работа для крестьянства сводится к просвещению, к ликвидации неграмотности, ограничивая круг культурной революции вопросами, входящими, если можно так выразиться, в рамки ведомства народного просвещения, и то в узком смысле этого слова. «Изгнать все излишества из наших общественных отношений, все барские игрушки, все ненужное; передвинуть госбюджет

в сторону первоначального народного образования, поднять нашего народного учителя на надлежащую высоту. Это, конечно, целая революция»[1]. Такое сужение задач культуры и культурной революции, сведение культуры и культурной революции к чистому культурничеству и голому просвещенчеству ничего общего не имеет со взглядами Ленина.

Если взять взгляды меньшевиствующего идеализма на вопросы культуры, прежде всего взгляды самого Деборина, то он по существу стоит на позициях буржуазного объективизма в вопросах культуры, рассматривая культуру как внеклассовый, внеисторический процесс. Культура, по Деборину, есть «постепенное восхождение от низших ступеней развития человека к более высшим». Местами Деборин говорит о классовости культуры, о пролетарской культуре, но когда он пытается конкретно изложить смысл всех этих разговоров, то всякая классовость выпадает. В практических вопросах пролетарской культуры Деборин стоит по существу на бухаринских позициях, разделяя его взгляды по вопросу об отмирании классов. Например он пишет: «После же того, как пролетариат создал свое государство, развитие от этого пролетарского государства к негосударству совершается переходными ступенями, эволюцией. По мере того, как отмирают классы... (классы не отмирают, а уничтожаются, ликвидируются.—*П. Ю.*)... отмирает государство. Превращения и изменения демократического пролетарского государства совершаются в направлении к отмиранию классов и государства»[2].

Это совершенно немарксистское, неленинское положение: только с *уничтожением классов* начинает отмирать государство, а до полного уничтожения классов государство не отмирает, а укрепляется. Таким образом Деборин целиком сходится с Бухариным в вопросах отмирания классов. Исходя из этого, он развивает свои взгляды и на вопросы пролетарской культуры.

«Фундамент новой культуры образует социалистический способ производства, общество без классов и государственной власти. Этот колоссальный исторический переворот, возможность создания социалистической культуры предполагает нового человека, преобразование человеческой жизни из бур-

---

[1] *Бухарин*, Политическое завещание Ленина.
[2] *Деборин* Ленин, как мыслитель, стр. 131, 1930 г.

жуазной в социалистическую, составляет одну из основных задач нашего времени, поскольку речь идет о воспитании современного человека для будущего общества».

Таким образом фундамент новой культуры будет создаваться только в бесклассовом обществе.

У Деборина получается, что создание социалистической культуры предполагает нового человека. Сначала создание нового человека, «преобразование человеческой психики», в то время как новый человек создается в ходе культурной революции.

Когда Деборин рассматривает практически вопросы культуры, он стоит на позициях Бухарина, а в общетеоретических формулировках вопросов культуры он стоит на позициях объективизма, самого худшего меньшевистского толка.

Контрреволюционный троцкизм в вопросах культуры характеризуется следующим основным положением: он совершенно отрицает наличие пролетарской культуры. Троцкий, исходя из своей теории «перманентной революции», согласно которой переходный период—это период перманентных военных стычек, говорит, что пролетариату некогда заниматься такими вопросами, как культура, пролетариату попросту не хватит времени для создания пролетарской культуры. «В эпоху диктатуры о создании новой культуры, т. е. строительстве величайшего исторического масштаба, не приходится и говорить», пишет Троцкий. И для всего переходного периода Троцкий целиком оставляет буржуазную культуру в ее некритическом восприятии, так как она есть.

Троцкий к вопросам культуры подходит с позиции общей оценки характера нашей революции, характера нашего социалистического строительства. Отрицая социалистический характер нашего строительства, считая, что наши производственные отношения не носят социалистического характера, отрицая возможность построения социализма у нас в стране, Троцкий естественно приходит и к отрицанию пролетарской культуры.

* * *

Художественная литература представляет один из важных участков культурного фронта. Поэтому необходимо остановиться на характеристике взглядов некоторых литераторов и критиков по вопросам культуры.

Для литфронтовцев вообще характерен схематизм деборин-

ского типа. Но литфронтовцы во всех своих докладах, литературных документах вопросам культуры, как правило, почти не уделяют внимания. В трактовке же вопросов, связанных с проблемами культуры, они в общем плетутся за Переверзевым и Дебориным.

Решение ЦК о ликвидации РАПП имеет непосредственное и прямое отношение к вопросам культуры и культурной революции. Предпосылками этого решения являются те величайшие победы, которые пролетариат одержал на фронте социалистического строительства за 15 лет пролетарской диктатуры, которые подняли из людей рабочего класса большие слои творческих сил во всех областях социалистического строительства, во всех областях культурного строительства. Пролетариат, трудящиеся идут к вершинам науки, к вершинам искусства, литературы, к вершинам государственного управления. С низов поднялись новые люди, создались новые кадры. Успехи социалистического строительства обеспечили коренной, решительный поворот старой интеллигенции на позиции советской власти. В этих условиях стало нецелесообразным иметь какие-то искусственные перегородки между литературными организациями, стоящими на позициях советской власти. Старые формы литературных организаций устарели, изжили себя.

Но если остановиться только на этой стороне дела, на том, что старые организационные формы изжили себя, переросли и, как некоторые товарищи из бывшей РАПП, рапповцы, по сей день пытались представить дело так, что будто решение ЦК логически вытекает и прямо и непосредственно продолжает их линию и завершает ее, то это будет совершенно неправильная точка зрения. Предпосылки такого решения ЦК были конечно и в самой организации и в самой деятельности РАПП. Но решающим условием ликвидации РАПП явилась не сама деятельность рапповцев.

Что характерно и наиболее типично для рапповцев в вопросах культуры? Известные положительные моменты в их борьбе за культуру, за культурную революцию были конечно,— этого нельзя отрицать,—когда они выступали против Троцкого, против троцкистских теорий культуры, отрицающей наличие пролетарской культуры, когда они доказывали, что пролетарская культура существует, когда они выступали против Бухарина, Богданова, доказывая классовый характер пролетарской культуры. В этом было известное рациональное

зерно. Но сказать, что вся их линия, все, что они писали по этим вопросам, было правильно, ни в коем случае нельзя. А вопросам культуры, вопросам культурной революции рапповцы придавали очень большое значение. Во всех документах, во всех своих выступлениях, когда они пытались доказать, что их теоретическая линия правильна, они пытались опереться на свою теорию пролетарской культуры.

Возьмем письмо РАПП о творческой дискуссии осенью 1930 г. Рапповцы там так и пишут, что правильность теоретических и творческих позиций РАПП основана на ленинской теории культуры и культурной революции, которую последовательно с самого начала существования РАПП они проводили.

У рапповцев, у Авербаха в частности, чрезвычайно много приспособленчества. «Правда» правильно писала, что после решения ЦК о ликвидации РАПП они, на словах приветствуя решение, на деле пытались оказать сопротивление этому решению на страницах «На литпосту».

Этого приспособленчества было чрезвычайно много у рапповцев и в вопросах культуры и культурной революции.

Авербах в своей книге «Спорные вопросы пролетарской культуры» писал: «Кто думает, что мы строим уже социалистическую культуру (книга вышла в 1929 г.—*П. Ю.*), тот не отдает себе отчета в характере переходного периода или путает (как Ваганян, Бобровников и многие другие) культуру классовую, пролетарскую с культурой бесклассовой, коммунистической или различает социалистическую и коммунистическую, отождествляя культуру пролетарскую с культурой социалистической».

Совершенно ясно сказано, что тот, кто думает, что мы строим уже социалистическую культуру, тот не понимает существа переходного периода. Здесь содержится не только противопоставление классовой и социалистической культуры, но и прямое отрицание социалистического характера нашей культуры.

Критикуя Богданова, Бухарина, Авербах постоянно проводит эту же точку зрения: он критикует их за то, насколько тот или иной представитель отождествляет или не отождествляет пролетарскую культуру с культурой социалистической.

«Ошибки Богданова и пр.,—пишет Авербах,—мне кажется, заключаются, во-первых, в непонимании разницы между пролетарской и социалистической культурой».

Ленин критикует богдановскую теорию культуры как буржуазно-реакционную, как в корне враждебную, как субъективно идеалистическую теорию; Авербах же основной порок богдановской теории культуры видит в непонимании разницы между пролетарской и социалистической культурой.

Но каково взаимоотношение, какова связь с точки зрения рапповцев, в частности с точки зрения Авербаха, между пролетарской и социалистической культурой. В этом вопросе Авербах исходит из бухаринской теории мирного врастания в социализм, взаимного содружества классов после пролетарской революции, постепенного «отмирания» классов вместо их уничтожения. Вместе с постепенным «отмиранием» классов, по Авербаху, отмирает и пролетарская культура и начинается культура социалистическая. Он так и пишет: «И эта пролетарская классовая культура диалектически перерастает затем в социалистическую бесклассовую культуру». Слово «диалектика» для многих товарищей является отпиской, служащей для того, чтобы отделаться, отболтаться от действительной диалектики. Так и в данном случае. Вместо того чтобы по существу понять диалектику, необходимость конкретного анализа предмета, заменяют все это словом «диалектика». Словом «диалектика» божатся, клянутся: диалектика налево, диалектика направо, диалектика—тут, диалектика—там, диалектика в метеорологии, в неврологии, в кузнечном деле—везде диалектика. Конечно диалектика есть всюду, но это не дает права издеваться над диалектикой, это не дает права опошлять диалектику.

Действительные позиции диалектического материализма, действительные позиции марксизма-ленинизма состоят в том, чтобы диалектику видеть в самой действительности, анализировать события, анализировать явления. Энгельс писал в одном письме к Конраду Шмидту, что знание марксизма совершенно не освобождает от необходимости изучения конкретной действительности, а как раз предполагает это изучение. Энгельс там пишет, что знание марксизма не заменяет изучения действительности и является введением к ее изучению.

У ряда руководящих товарищей из бывшей РАПП царила эклектика в вопросах культуры. И только за последнее время, в конце 1931 г., товарищи из РАПП стали понемногу понимать, что у них с вопросами культуры неладно. Тов. Авербах в одном из своих докладов в союзе писателей пробовал

исправить это дело, но по существу остался на старых позициях. Он говорил, что мы правильно делали, что противопоставили пролетарскую культуру социалистической, а теперь этого не надо делать, сейчас надо бороться за социалистическую культуру. Почему это было правильно, об этом т. Авербах умолчал.

Из таких установок в вопросах культуры и культурной революции следовала и неправильная оценка самой литературы, оценка существа и характера пролетарской литературы. Отрицая социалистический характер культуры, рапповцы отрицали и социалистический характер нашей пролетарской литературы. В передовой редакционной статье в «Литературной газете» от 17 февраля, посвященной итогам XVII партконференции, вопросам второй пятилетки и задачам РАПП, пишется, что сейчас наша пролетарская литература является классовой, а затем она будет перерастать в литературу социалистическую, т. е. с окончанием переходного периода она станет социалистической литературой. Таким образом рапповцы отрицают социалистический характер литературы переходного периода.

Из этого следует и с этим теснейшим образом связан и ряд неверных теоретических установок руководящих рапповцев по важнейшим вопросам мировоззрения. Например теория «живого человека», годами развивавшаяся и культивировавшаяся в РАПП, ничего общего с марксизмом не имеет, это с начала до конца идеалистическая теория. Она идеалистическая в том ее обосновании, которое дал ей Ермилов, в том понимании, которое в нее вкладывают Авербах и др.

Ленин в своей борьбе со струвизмом писал, что социолог-субъективист сначала создает себе «живых личностей» (вы видите, даже терминологию они заимствуют у Михайловского.— *П. Ю.*), причем этих живых личностей он берет абстрактно, наполняет их любым содержанием, каким желает, а потом начинает оперировать этими живыми личностями, тогда как социолог-материалист идет от анализа общественных отношений, анализируя их, вскрывая закономерности этих общественных отношений. Материалист вскрывает чувства, помыслы и поведения отдельных людей, делая это через анализ общественных отношений, беря человека не как индивидуум, изолированный от общественных отношений, а как часть общественных отношений. Чувства, помыслы и поведение человека определяются общественными отношениями.

Возьмем произведение Либединского «Рождение героя».

Либединский взял современную эпоху, но вместо художественного воспроизведения объективной действительности, вместо того чтобы подходить к людям, к отдельным героям произведения в процессе анализа общественных отношений, он идет по пути анализа психики индивидуума, беря индивидуум оторванно от общественных отношений, копаясь в психике, производя всякие фокусы в голове Шорохова. Теория «живого человека» воплощается в Шорохове. Либединский изображает Шорохова так, что все зависит от того, как Шорохов поступит. В Средней Азии есть уклон. Он поедет—выправит, а не поедет—так и останется. Как он сделает, так и будет. Это точка зрения идеализма, а не материализма, это деборинщина, доведенная до логического конца.

Политические идеи в этом произведении Либединского перекликаются с «левацкими» идеями. Возьмите секретаря, помощника Шорохова. Как он его рисует? Это аккуратный, дисциплинированный человек, все он делает во-время. И Либединский не находит других слов для олицетворения обывателя-партийца.

В это время появились небезызвестные статьи Щацкина, Стэна, которые доказывали, что главная опасность, которая тогда была в партии,—это партийный обыватель, что характерно в этом партийном обывателе то, что он и на собрания ходит своевременно, что он и активен, он и членские взносы платит аккуратно, одним словом—все есть, но он—партийный обыватель.

Таким образом политически и этот роман перекликается со стэнищиной, с щацкиновщиной. Вот к чему приводит теория «живого человека», приложенная к художественному творчеству.

* * *

«Есть два мира»—говорит т. Сталин. И есть две культуры—культура социалистического мира, культура социалистического строя и культура капиталистического мира.

Культура социалистическая растет, побеждает, а культура капиталистического мира, буржуазная культура, все больше и больше разлагается, загнивает и распадается. Нет никаких сомнений, что предстоят еще дальнейшие жестокие бои культуры социалистической с культурой капиталистической.

Наряду с распадом, мракобесием и процветанием религиозности в мире буржуазной культуры, в капиталистических стра-

нах имеется и рост элементов пролетарской, социалистической культуры. Это прежде всего те коммунистические партии, те революционные организации, те революционные массы рабочих, которые идут за нашей партией. Они являются в капиталистических странах носителями новой культуры, культуры социалистической.

Общая задача культурной революции сформулирована XVII партконференцией: уничтожение пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всех трудящихся в активных и сознательных строителей социализма. Этим положением XVII партконференция определила содержание задач культурной революции на вторую пятилетку. Попытаемся раскрыть содержание этой формулы. В области культуры перед нами стоит как решающая задача, как центральная задача, обеспечивающая победу социалистического строя, выработка социалистической дисциплины труда. Ленин говорил, что только с победой социалистической дисциплины труда, только тогда, когда каждый трудящийся будет сознательно относиться к своим обязанностям, когда каждый будет контролировать не только себя, но и других, с победой такой дисциплины труда отпадает необходимость во внешнем регулировании процесса труда, и тогда, говорит Ленин, будут открыты широко двери к переходу во вторую фазу коммунизма, и тогда, с победой новой дисциплины труда, окончательно отомрет государство. Но теперь коренной задачей, условием дальнейшего развития культурной революции является укрепление диктатуры пролетариата. Только через дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата создаются условия для ее отмирания. Диктатура пролетариата начинает отмирать только с уничтожением классов, когда будут уничтожены классы, когда будет построено социалистическое общество; в социалистическом обществе начнет отмирать государство. Ленин в «Государстве и революции» пишет, что в социалистическом обществе все труженики социалистического общества будут на службе у пролетарского государства. Совершенно бесспорно то положение Ленина, что полностью диктатура пролетариата, полностью пролетарское государство отомрет только в полном, развернутом коммунистическом обществе, когда, говорит он, каждый будет давать обществу по способностям и получать от общества по потребностям.

В противоположность этой точке зрения некоторыми товарищами развивается, на страницах «Советского строитель-

ства» в частности, такая точка зрения, что диктатура пролетариата начинает отмирать с первого дня захвата пролетариатом власти. Они берут положение Ленина о том, что наше государство—отмирающее государство, начиная с первых дней пролетарской диктатуры, и усматривают глубочайший смысл диалектики в том, что государство укрепляется и отмирает в одно и то же время.

Это не диалектическая постановка вопроса. Тов. Сталин на XVI съезде партии совершенно бесспорно и правильно сформулировал этот вопрос. Он говорил, что мы идем к отмиранию государства через укрепление диктатуры пролетариата, укрепляя диктатуру пролетариата, создаем условия для ее отмирания. Это совсем не то, что пролетарская диктатура начала отмирать с самого первого дня Октябрьской революции.

Ставя вопросы культуры, культурной революции, целиком подчиняя задачи культурной революции задачам укрепления диктатуры пролетариата, работники культурного фронта должны совершенно правильно представлять себе точку зрения марксизма-ленинизма, точку зрения нашей партии, на диктатуру пролетариата. Задачи культурной работы необходимо целиком подчинить той великой и трудной борьбе, которую ведет партия за уничтожение классов, за построение бесклассового социалистического общества.

Выше мы указывали, что одним из коренных вопросов культурной революции является выработка социалистической дисциплины труда. Развертывание культурной революции по этой линии составляет центр всей нашей работы. Социалистическое соревнование и ударничество являются социалистическими формами труда. Дальнейшее укрепление и развитие социалистического соревнования и ударничества являются подлинным выражением культурной революции.

Надо сказать, что разрешение задач культурной революции в деревне, в колхозах имеет особые условия. Там мы встречаем еще старые, мелкобуржуазные, частнособственнические навыки, частнособственническую психологию мелкого крестьянства, мелкокрестьянскую психологию наших колхозников. Колхозник в массе своей еще не поднялся до уровня социалистической дисциплины труда, на которой стоит сейчас рабочий класс. Но если просмотреть выступление колхозников на Всесоюзном съезде колхозников и дальше—на Московском съезде колхозников, то мы увидим, с какой силой, как глу-

боко сейчас проникли процессы выработки социалистической дисциплины труда и в деревню. Московский комитет партии выпустил книгу «Сто колхозов Московской области». В этой книге мы видим несколько десятков характерных новых людей, которые сейчас создаются в колхозах. Это является живым материалом, живым документом и показателем создания подлинно социалистической дисциплины труда, создания социалистической культуры в наших колхозах.

Следующая задача, идущая по линии культурной революции,—это задача овладения техникой, задача учебы. Здесь, в этой области, предстоит еще огромная работа. Трудность этой задачи особенно велика в деревне. Каков наш тракторный парк в настоящее время в деревне? В деревне мы имеем сейчас 150 тыс. тракторов, и надо сказать, что далеко не полностью используется эта мощная техническая база, имеющаяся в нашей деревне. Процесс овладения техникой в деревне значительно труднее в силу той исторической и культурной отсталости, которая имела место в старой царской России. Как происходит этот процесс в городе? Возьмите Сталинградский тракторный завод, этот гигант передовой современной машинной техники. Но сколько потребовалось сил и времени, чтобы овладеть техникой этого гиганта.

А когда был построен Харьковский завод, то на овладение техникой этого завода сил и времени потребовалось уже значительно меньше. Это значит, что на примере Сталинградского завода рабочие прошли уже значительную школу овладения техникой.

В деревне этот процесс в силу исторической отсталости крестьянства, в силу обострения классовой борьбы, сопротивления остатков кулачества—значительно труднее. Над этим еще предстоит чрезвычайно много и много поработать.

В области культуры, культурной революции во второй пятилетке перед нами стоит задача выработки кадров высокой квалификации, технических кадров, стоящих на уровне современной науки и техники. Необходимость создания кадров такой квалификации предъявляется нам всем ходом социалистического строительства, превращением нашей страны из страны технически отсталой в страну передовую. Мы имеем самую передовую технику, мы в состоянии сделать любую машину, и вместе с тем кадров, которые были бы в состоянии овладеть этой техникой, у нас еще далеко недостаточно. Нам нехватает кадров, которые бы стояли на уровне современной

науки и техники. Этих кадров нехватает еще больше для деревни.

Вредительство в области сельского хозяйства по линии Тракторосцентра, по линии Наркомзема,—о чем это свидетельствует? Это свидетельствует о том, что старая интеллигенция в незначительной ее части еще стоит против нас, старается использовать недостатки наших собственных технических кадров в интересах международной контрреволюции.

За годы революции у нас выросла целая армия новой пролетарской интеллигенции. В области идеологических надстроек произошла целая революция. Возьмем любую область идеологических надстроек—науку, искусство, литературу и т. д. Если до революции, в условиях капиталистического общества, массы в порядке подчинения законам капиталистической эксплоатации принимали участие в процессе материального производства, в создании общественного строя; пролетариат был класс угнетенный, класс, лишенный средств производства, то после революции этот класс—пролетариат—является владельцем всех средств производства, становится активным участником, активным творцом социалистического способа производства. Маркс говорил, что действительные потребности жизни имеют большее значение для развития науки, чем десять университетов. Потребности социалистического строительства, практика социалистического строительства, каждый день, каждый час предъявляют ко всем областям науки, искусства и литературы все новые и новые требования, вырастающие из хода самого социалистического строительства. Творцами науки, творцами искусства становятся сами массы. Массовость движения, приобщение к культурной жизни многомиллионных масс и связь всех областей идеологических надстроек с нуждами социалистического строительства являются причиной того, что действительно во всех областях идеологических надстроек совершается полный переворот.

Вопросы пролетарской культуры с победой рабочего класса приобретают другое содержание, чем до победы рабочего класса. Маркс писал: «Как для массового порождения коммунистического сознания, так и для выполнения самого дела необходимо изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции. Следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом нельзя свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься

от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество».

Процесс развития культуры, процесс культурного роста в ходе пролетарской революции принимает бурный характер, принимает характер культурной революции. Особенности процесса развития культуры после победы диктатуры пролетариата объясняются следующими обстоятельствами. Впервые рабочий класс, крестьянство и все трудящиеся массы становятся сознательными творцами собственной жизни.

Ленин писал: «Нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране государственная власть не принадлежит рабочим, которые в массе своей прекрасно понимают недостатки своей—не скажу культурности, а скажу—грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит такие жертвы для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас».

Ленин, выдвигая задачи культуры после победы пролетарской революции, ставил эти задачи как важнейшие задачи в выполнении исторической роли пролетариата—построении социалистического общества. Все вопросы, которых Ленин касался в связи с социалистическим строительством, он связывал с задачами культуры, с задачами культурной революции. Без культурной революции невозможно выполнить программу социалистического строительства.

Но здесь встает вопрос: как строить пролетарскую культуру, социалистическую культуру по существу, из каких элементов строить эту культуру? Ленин со всей определенностью ставит вопрос о том, что пролетарскую культуру можно построить только на основе всей культуры, которую создало человечество за всю историю своего развития. Но процесс строительства пролетарской культуры на основе всей предшествующей культуры не есть процесс простого, некритического восприятия этой культуры. Ленин говорит о переработке старой культуры, об овладении всем запасом знаний, об овладении техникой, об умении управлять и т. д. Ленин считает возможным использование уменья капиталистов управлять. И когда он говорит о банках, о трестах, о синдикатах, он указывает, что надо отсечь, отрубить все нити, которые связывают эти организации с капиталистами, и заставить эти организации работать на нас, подчинив их нам.

Процесс культурной революции, во-первых, идет по линии политической. Вовлечение самых широких многомиллионных масс в управление пролетарским государством, в советы, в кооперацию, во все другие общественные организации, подлинное привлечение масс к управлению собственной жизнью, к строительству жизни, является величайшим процессом культурного воспитания.

Далее—процесс овладения всем запасом старых знаний, наукой. Только пролетарская революция создает предпосылки, когда миллионные массы трудящихся в состоянии по-настоящему взяться за изучение науки, за овладение наукой.

Во-вторых, по линии овладения техникой. Проблема овладения техникой миллионными массами является важнейшей задачей в реконструктивный период. Когда т. Сталин говорит, что решающей задачей является овладеть техникой и наукой, это определяет собою содержание значительной части задач культурной революции.

Нечего говорить о тех величайших достижениях, которые имеет рабочий класс в этой области. Наш советский рабочий класс является сейчас самым образованным, самым культурным классом. Из рядов рабочего класса вышли сотни тысяч политических деятелей, хозяйственников, организаторов, деятелей науки, инженерно-технических работников, деятелей искусства, писателей, художников. Это подлинное овладение со стороны широких масс трудящихся достижениями старой культуры—техники, науки—и создание ими собственной пролетарской культуры.

Но самой трудной задачей культурной революции после победы пролетарской революции является переделка крестьянства. Крестьянство после победы пролетарской революции остается мелким товаропроизводителем. Крестьянство, как говорил Ленин, пока оно остается индивидуальным крестьянством, товаропроизводителем, каждый день, каждый час порождает капитализм, является базой капитализма, капиталистического производства, и задача переделки мелкого крестьянского хозяйства в коллективное хозяйство является самой трудной, самой тяжелой задачей. В области культурной переделки крестьянства, культурная работа среди крестьянства, культурная революция в деревне—является точно так же самой тяжелой, самой трудной. Здесь, на этом фронте, наша партия имеет огромнейшие достижения. Самым величайшим достижением пролетарской культуры на этом фронте является

переход крестьянства к социалистическому способу производства, переход крестьянства в колхозы.

Процесс культурного роста в деревне, который сейчас происходит, выше всякой культуры крестьянства в любой стране, потому что та культура, которая создается нами в деревне—культура социалистическая. Там создаются социалистические производственные отношения, вырабатываются социалистическое отношение к труду, социалистическое отношение к общественной собственности, социалистические отношения в быту. Все это является показателем того, что культурная революция в деревне по своему типу, по характеру—выше всякой культуры, какую имело до сего времени крестьянство других стран.

Но это не значит, что уже сняты величайшей трудности работы в области культуры в деревне. Тов. Сталин на январском пленуме ЦК партии говорил, что наши колхозы по форме своей являются социалистическими предприятиями, но с кем будет колхоз, на чьей стороне будет колхоз,—решает содержание работы. И т. Сталин подчеркивал, что нельзя забывать того, что сознание колхозников, сознание крестьянства отстает от экономики, отстает от того переворота, который произошел в общественных отношениях. Задача преодоления отставания в сознании колхозника от того переворота, который произошел в способе производства, является величайшей и самой трудной задачей всей нашей культурной работы сейчас в деревне. Над этой задачей партия работает, и над этой задачей еще очень и очень много предстоит работать, но и те результаты, те успехи, которые мы имеем, являются величайшими.

Ленин на съезде комсомола говорил, что надо добиться такого положения, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически такую или иную задачу для общего дела, пускай самую маленькую, пускай самую простую. Действительно, если с этой точки зрения подойдем к той огромной работе, которая идет сейчас у нас в деревне, мы найдем, что повседневно на примерах самых небольших, самых незначительных можно проследить великую культурную революцию, которая идет в деревне.

Вот возьмите проблему, которая занимает страницы всей буржуазной печати,—проблему соотношения молодого и старого поколения. Эта тема не сходит со страниц буржуазной литературы. Как у нас решается эта задача? На съезде колхозников Урала в числе делегатов присутствуют отец и сын-

пионер). Этот сын-пионер выступает и говорит: «Вот мы все здесь выступаем и говорим, что надо работать как следует, что надо поднять трудовую дисциплину и т. п., а понимаем ли мы, что работаем сейчас на самих себя? Вот мой тятька, который приехал сюда, тоже сколько раз мы с ним ругаемся. Он то и дело увиливает от работы, как будто бы работает на помещика, а не на самого себя. Нет, тятька, это никуда не годится, я прямо тебе здесь это скажу, ты не коммунар». Все это показывает на ту ломку, которая идет сейчас у нас в деревне. Процесс культурной революции в нашей деревне захватил самую гущу широких крестьянских масс, но в этой области осталось нам делать еще бесконечно много.

У нас за годы пролетарской революции из народных масс вышли ученые, художники, писатели и т. д. Характерные цифры: в 1929 г., если взять за 100 наличие научных работников (только по тяжелой промышленности), то в 1932 г. их уже 480. Если в 1929 г. инженерно-технических работников с высшим образованием было 37 тыс., то в 1932 г.— [illegible]6 тыс., в 1933 г. наши вузы дали 61 тыс. людей с высшим образованием, техникумы—226 тыс. человек со средним техническим образованием, ФЗУ—527 тыс. человек. Это такой массовый процесс, который характеризует именно слияние, непосредственное соединение с практикой, непосредственное соединение нашего искусства, литературы с массами, с широкими трудящимися крестьянскими массами. Если же взять такую область, как художественная литература, то за эти годы у нас выросли подлинно свои писательские кадры, кадры с большими талантами. Мы имеем в художественной литературе среди молодых писателей такие талантливые произведения, как «Бруски» Панферова, «Разгром» Фадеева, «Поднятая целина» Шолохова. Мы имеем сотни других блестящих, талантливых произведений. Мы сейчас еще не в состоянии оценить всего того, что у нас есть в области художественной литературы. Надо сказать, что здесь, на этом фронте, критика отстает. Если мы в области художественной литературы можем по достоинству гордиться рядом прекрасных произведений, можем выйти на международную арену и сказать, что у нас есть прекрасные произведения литературы, то труднее обстоит дело с критикой. Фронт критики значительно отстает от фронта художественной литературы. Фронт критики характеризуется недостаточной высотой теоретического уровня, недостаточным знанием самой художественной литературы,

недостаточным знанием специфики художественного творчества, и здесь перед нами вплотную встают такие задачи, как продолжение разработки марксистско-ленинской эстетики, изучение взглядов Маркса, Энгельса и Ленина в области эстетики.

Следующий вопрос, на котором необходимо остановиться, это проблема уничтожения противоположности города и деревни.

Противоположность города и деревни в капиталистическом обществе достигает самых крайних полюсов. В капиталистическом городе сосредоточивается все передовое, что капитализм создал,—передовая техника, наука, искусство, литература, медицина. Что достается деревне? Деревне в условиях капитализма достается только самое плохое, самое отсталое и в последнюю очередь. Только в меру необходимости, в меру интересов капитализма даются деревне крохи культуры капиталистического общества, и эта полярность культурного уровня деревни и города в капиталистическом обществе достигает самой большой обостренности.

Как стоит эта задача сейчас у нас? У нас в эпоху пролетарской диктатуры во второй пятилетке эта задача стоит так, что мы в основном с построением социалистического общества во вторую пятилетку создаем коренные предпосылки уничтожения противоположности города и деревни. Это идет по линии, с одной стороны, роста городского населения, роста пролетарских кадров в городе, по линии роста и создания новых социалистических городов. С другой стороны, эта основная линия, этот процесс идет путем механизации сельского хозяйства и превращения сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального. Эта задача во второй пятилетке в основном будет решена, и с решением этой задачи решается важнейший вопрос приобщения миллионных крестьянских масс к передовой современной городской культуре—культуре социалистического города.

Важнейший вопрос в области культурной революции—это задача уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. Ленин говорит, что самое отвратительное выражение капиталистического разделения труда нашло место в разделении труда умственного и физического, когда умственный труд—интеллектуальная деятельность—становится достоянием «избранных», становится достоянием капиталистов, а на долю огромной массы подавляющего большинства человече-

ства падает тяжелый, подневольный, изнуряющий физический труд. Сейчас у нас к настоящему времени за годы пролетарской революции в этом отношении сделано уже немало, но никак нельзя считать, что мы подошли вплотную к решению этой задачи. Мы создаем сейчас все необходимые предпосылки для решения этой задачи; но решена эта задача может быть только в социалистическом обществе, окончательно она будет решена только в коммунистическом обществе, когда каждый трудящийся, каждый член коммунистического общества будет в состоянии в такой мере работать, что у него останется возможность на все виды научного, культурного и прочего развития, когда возможность перехода от одного рода работы к другому роду в силу развития техники, универсализации подготовки станет простой и доступной для каждого. Эту задачу мы должны поставить сейчас как цель, для решения которой вся наша работа теперь является необходимым условием.

С особой силой сейчас ставится вопрос о роли идеологических надстроек, о роли духовной культуры, духовного производства, в условиях, когда мы вступили во вторую пятилетку, в пятилетку построения полного социалистического общества. Энгельс писал в свое время в «Анти-Дюринге», что общественные законы в условиях капитализма, в условиях анархического способа производства являются по отношению к людям демоническими силами, силами, которые стихийно обрушиваются на головы людей. Люди сами делают историю, говорит Маркс, так же как они вырабатывают полотно, холст. Но эта история делается как бы за спиной людей. Только после того как общественные законы сложатся, когда они со всей стихийной силой обрушиваются, только после этого люди начинают сознавать и познавать эти законы.

В социалистическом обществе дело принципиально меняется, меняется коренным образом. В социалистическом обществе люди достигают полной свободы, сознательно регулируют законы, строят материальное производство. Некоторые товарищи готовы это понять в том смысле, что теперь вообще теряет свою силу то положение, что бытие определяет сознание. Разумеется само собою, что это грубейшая ошибка. И в социалистическом обществе бытие определяет сознание, но в социалистическом обществе бытие, характер материального процесса производства, характер политической власти, характер всей организации материального процесса производства

становится плановым. Устраняются те силы, как говорит Энгельс, которые мешали пониманию законов общественного развития,—стихийный характер производства, капиталисты и их прислужники. Эти экономические стихийные силы устранены. На их место пришло плановое социалистическое хозяйство. Ученые, извращающие законы общественного развития, устранены в том смысле, что пролетариат создал свои кадры, свою науку, свое социалистическое общество, и сейчас наше хозяйство строится по заранее намеченному плану.

Возьмите нашу первую пятилетку. Что собой с этой точки зрения представляет пятилетний план? Он представляет собою то, что рабочий класс в лице компартии, советского правительства заранее намечает план развития производительных сил, развития производственных отношений, заранее намечаются отношения классов, потому что задачей плана ставится—предвидеть ход материального производства. Уничтожение классов вовсе не значит, что отменены объективные материальные законы. Ни в какой мере. Возьмем к примеру такой вопрос, как задачу уничтожения капиталистических элементов, классов вообще. Мы эту задачу очень бы желали выполнять примерно 2—3 года, а то и 5 лет назад. Почему мы эту задачу не могли поставить тогда? Потому что мы не могли бы ее выполнить, потому что у нас не было достаточных материальных экономических возможностей. Почему мы не поставили себе задачу—5 или 7 лет назад завершить всю социалистическую реконструкцию сельского хозяйства? Потому что материальные экономические объективные условия не позволили.

Бытие определяет сознание. Этот закон имеет силу на всех исторических этапах развития общества, но роль идеологических надстроек коренным образом меняется. Сейчас законы общественного развития направляются сознательно.

В связи с такой постановкой вопроса исключительную роль приобретает культура духовная, культура в области идеологических надстроек—в области науки, искусства, литературы (коммунистического воспитания). В области этих вопросов, надо сказать, мы очень мало работаем. Эти вопросы, эти проблемы очень мало ставим как практические проблемы сегодняшнего дня.

Нет никакого сомнения, что великий рабочий класс, который прошел столь длительную историю своего революционного развития, сумел преодолеть столько врагов—разбил ка-

питалистическое государство, завоевал власть, построил свое государство, развивает производительные силы социализма, строит социалистическое общество,—что этот рабочий класс построит и свою коммунистическую культуру. Революционная борьба рабочего класса, классовые противоречия, кризис капитализма идут к тому, что исторически определены сроки существования капиталистического строя и с победой коммунистической революции мы построим коммунистическую культуру во всем мире.

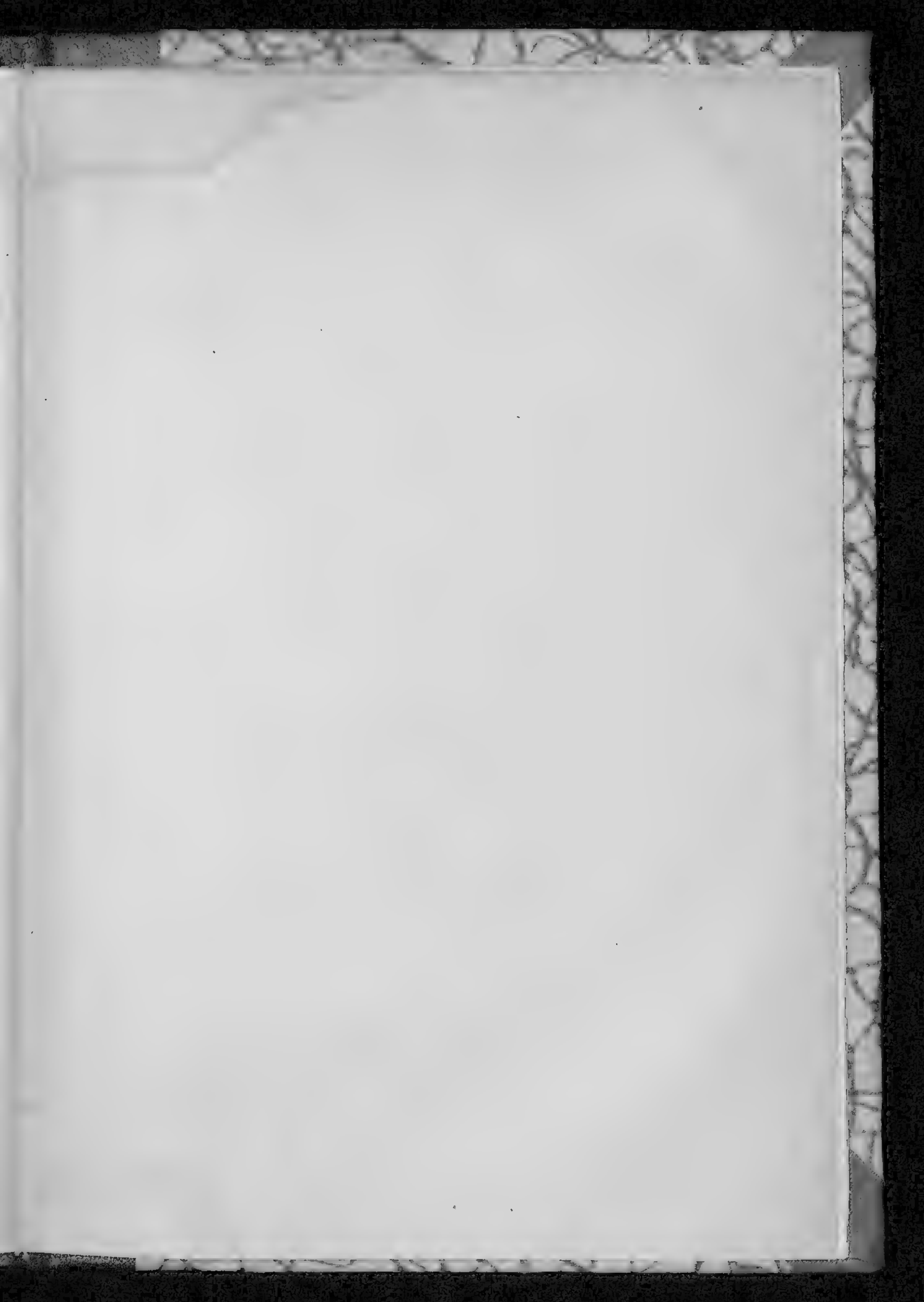
Редактор *Л. Кузьмич* Технический редактор *Крюковский*

Сдано в набор 8/X 1933 г. Подписано к печати 26/X 1933 г.

Уполномоченный Главлита Б—34123. Формат бумаги 82×110 1/32. 3 печ. листа

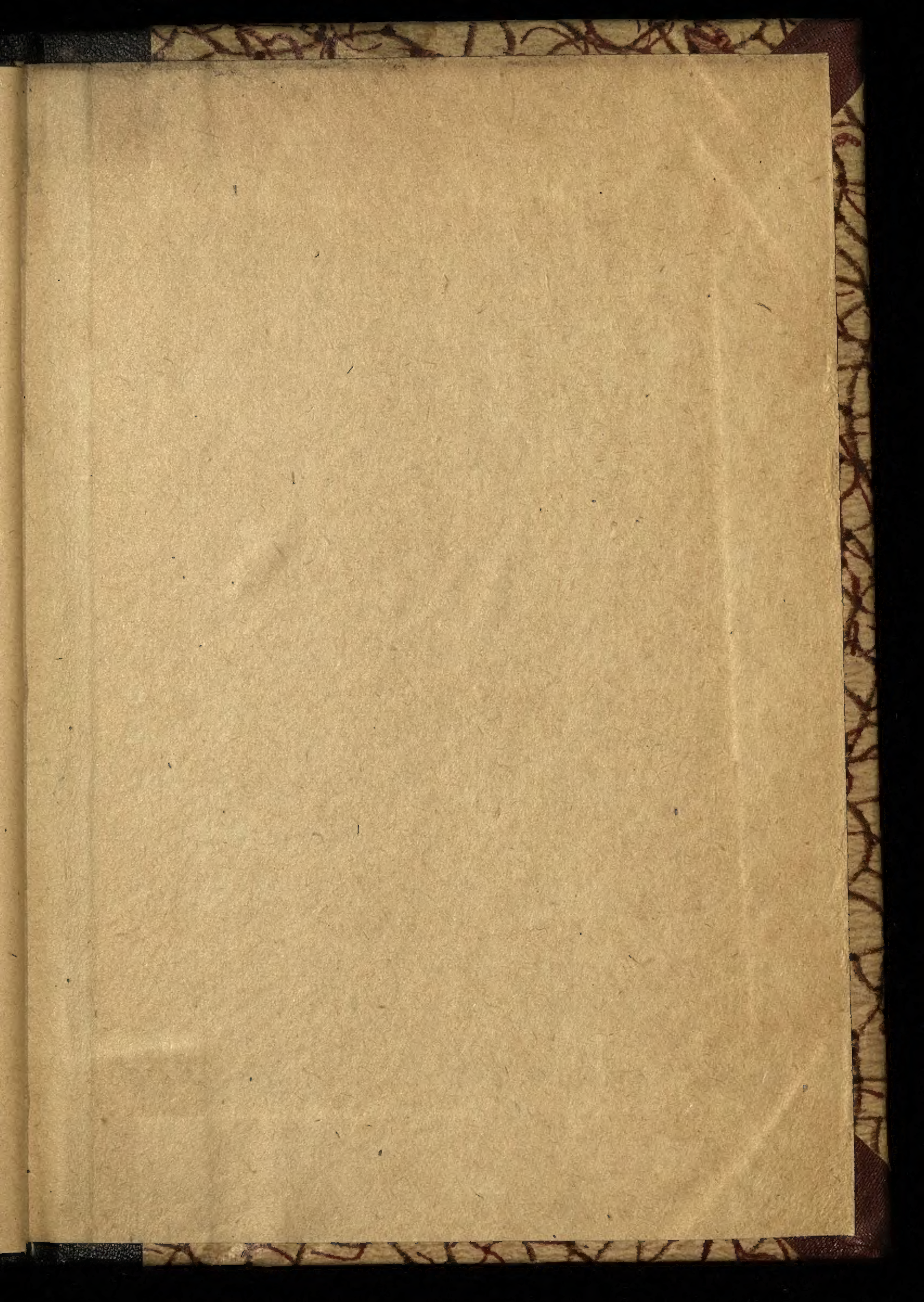
Партиздат № 661. Тираж 50 000. Заказ № 73[illegible]

Фабрика книги «Красный пролетарий» издательства ЦК ВКП(б) Партиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

8. n.

2020075401